

АНДРЕЙ ВОРОНИН
МАКСИМ ГАРИН

КОМБАТ
В ЖИЗНЕЙ

Андрей Николаевич Воронин
Максим Гарин
Комбат. Восемь жизней
Серия «Комбат»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63521227

Комбат. Восемь жизней: Харвест; Минск; 2009

ISBN 978-985-16-7545-2

Аннотация

Бывший десантник Борис Рублев невольно оказывается свидетелем и участником невероятных событий. Рискуюя собственной жизнью, он спасает людей от изуверских опытов доктора-маньяка.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	51
Глава 5	65
Глава 6	80
Глава 7	98
Глава 8	108
Конец ознакомительного фрагмента.	119

**Андрей Воронин,
Максим Гарин
Комбат. Восемь жизней**

© Подготовка и оформление Харвест, 2009

Глава 1

Комбат брел вдоль броско украшенных московских витрин и ловил себя на мысли, что ему нравятся огромные бу-тафорские банты, блестящие сердца из красной фольги, целующиеся голуби. Красивый и милый праздник, посвященный всем влюбленным, наполнял улицы особой аурой. Борис Иванович помнил, что Сергей сегодня пошел в школу пораньше, прихватив не уместящийся в сумку пакет, где угадывались очертания мягкого, длинноухого зайца.

«Это он Танюшке», – догадался приемный папа, но говорить ничего не стал, боясь испортить парню романтическое настроение. Радостно было, что пацан сам заработал на подарок, помогая Андрюхе Подберезскому в его стрелковом хозяйстве. И выбирал этого зайца тоже сам, не советуясь. Но не спрятал – принес вчера вечером на кухню, вынул за уши из пакета, демонстративно подправил огромный розовый бант в крошечные сердечки, завязанный почему-то на заячьей пушистой талии.

– Хорош? – то ли спросил, то ли констатировал Сережка.

Борис Иванович согласно кивнул, дескать, куда уж лучше для неоперившейся школьницы. Сыновняя пассия не была его одноклассницей, она училась на два класса младше, в седьмом, была маленькой, худощавой и совсем неяркой. Борис Иванович чувствовал, что девчонка напоминает Се-

реге погибшую сестру, чей образ, очевидно, навсегда увяз в сердце острой щепкой. Танюшку, девочку из полной непьющей семьи, счастливым ребенком считать было невозможно. Ее родители «челночили» китайским и турецким тряпьем и принесли в угоду этому сомнительному бизнесу свою молодость и дочкино детство. Бесконечные поездки, изматывающая торговля на «точке», постоянная нервотрепка из-за меняющегося законодательства сделали их людьми неуравновешенными и, как считала сама Танюша, товарозависимыми. Они упорно отдавали себя делу, которое не приносило ни счастья, ни дохода, ни уверенности в завтрашнем дне. Тупая, ничем не подтверждаемая вера в то, что торговая фортуна повернется к ним лицом и «неовернутые», потерянные средства «вернутся» все сразу, принеся долгожданное богатство, сильно портила отношения разумной дочери с неразумными родителями. Девочка старательно училась, ненавидела выпендренные наряды-однодневки, которые целыми баулами кочевали из их квартиры в полосатую палатку на Черкизовском и снова возвращались.

Вообще-то, Комбат сам обратил Сережкино внимание на маленькую упрямую бегунью, которая почти ежедневно мелькала на параллельном тротуаре во время их утренних тренировок. А уж тот сам разглядел в ней что-то особенное, не постеснялся подойти в школе, затеять разговор. В тир пригласил, домой позвал, пирожными угощал и пепси-колой. Рублев тогда впервые почувствовал себя отцом, пред-

ставителем семейного клана, так сказать. По его виду и повадкам девочка составляла первое впечатление о Сереже. Мысль о том, что не стоит принимать первые отношения сына с девушкой близко к сердцу, ему не нравилась. Умом он понимал: всяких разных Танюшек в Сережиной жизни может быть сколько угодно, но сердцем чувствовал, что девочки, даже худые упрямые семиклассницы, – не перчатки, чтобы менять их, когда надоели. И что плохого в том, что эта же Танюшка будет с его сыном и через пять, и через десять лет... В его жизни такой девочки не случилось, он в школе вообще с девицами не того... Тем более с младшеклассницами... О том, что Серега с подружкой могут «того», даже думать не хотелось. Маленькие они для этого, особенно Танечка. Тронь кто такую – Комбат сам бы голову обидчику оторвал, и еще кое-что, пониже головы. Однако розовый пушистый заяц – это не томик Карла Маркса и не компакт-диск с модной музыкой. Романтик Серега, оказывается, раз не постеснялся в такой день вручить этого длинноухого зверя девочке. В том, что подарок предназначается именно Тане, Борис Рублев даже не сомневался, и был прав.

Взять пример с молодежи Комбату хотелось, но кандидатуры на вручение мягких игрушек у него не было. Светлана, давняя пассия, увязла в столь затянувшейся командировке, что ее образ постепенно поблек. Звонки и эсэмэски случались все реже, дежурные признания в любви и сильном скучании казались все фальшивее. Сегодня утром его мо-

бильник пиликнул, отразив на дисплее мультяшное сердечко, рассылающее воздушные поцелуи. И все – ни строчки, ни словечка. Комбат не привык оставлять письма без ответа, но загруженных специально к празднику влюбленных клипов в его простеньком аппарате не было, качать их из Интернета он не умел. Можно было попросить Сережу, но показалось непедагогичным обращаться к мальчишке с такой просьбой. Тем более утром, когда времени перед школой всегда в обрез. Борис Иванович справился сам, написал в ответ одно слово: «взаимно», справедливо рассудив, что в сложившейся ситуации этого достаточно...

Вдоволь начавничавшись, Комбат решил купить праздничной еды на случай, если сын приведет домой подругу. В нескольких кварталах от его многоэтажки открылась модная кондитерская, куда Сережка хорошо знал дорогу и ему показал. Именно туда направлялся сейчас Борис Иванович Рублев. Обычные хлебзаводовские торты уже несколько месяцев не удовлетворяли запросов его чада, великого сладены и эстета. Если раньше любой бисквитный рулет уплетался за обе щеки, то сейчас пирожное придирчиво осматривалось на предмет кулинарного дизайна, экзотических компонентов и допустимой калорийности. Молодежь отдавала предпочтение растительным сливкам, свежим вишенкам и бесполезным зигзагам жидкой карамели на больших фаянсовых тарелках. Стоили эти лакомства недешево, но Комбат потакал этому увлечению Сережи, частенько совал ему в карман

лишнюю сотню, зная, что деньги не будут потрачены на пиво. Пусть лучше в кондитерской с пирожным, чем в подъезде с пластиковой бутылкой.

«Старею», – грустно рассуждал Рублев, зная, что подобные сентенции свойственны всем не очень занятым собой папашам и мамашам, к которым он пристально приглядывался на родительских собраниях в школе. Более молодые и деловые родители держались отдельным неразговорчивым кланом, не вступающим в дебаты с наставниками молодежи по причине полного отсутствия заинтересованности в их мнении. Эти подъезжали к школе на ярких модных авто, благоухали эксклюзивной парфюмерией, постоянно шептались по телефону и легко сдавали крупные деньги на любые школьные нужды. Борис Иванович учителей искренне уважал, даже безнадежно наивных и откровенно стервозных. Неожиданно для себя став родителем, он уже трижды бывал на собраниях и несколько раз заглядывал в школу по личной инициативе, особенно поначалу. Считал важным растолковать каждому, что его парень требует особого отношения, терпения и нежности. Некоторые принимали Серезину историю близко к сердцу, другие просто вежливо выслушивали. Но одна учительница запомнилась Комбату особенно ярко. Про нее Сергей часто рассказывал за вечерним чаем; случалось, и Танюшка присоединялась, если ужинала у них. Эта Аленка, так ее называли дети, работала и в седьмом, и в Серезкином девятом, вела очень уважаемую Рублевым инфор-

матику. Но любили ее не за популярный предмет и оцифрованность мозгов, а скорее за доброту и редкую демократичность.

– Она никогда ни с кем не заигрывает, – говорил Сергей, – уважает и умных, и обыкновенных. А если, бывает, наш вундеркинд Лосев заморочит ее какой-нибудь крутизной, радостно так нам всем сообщает, что поняла, как он это придумал, и готова объяснить понятным языком всем желающим.

– Она красивая, – добавляла Танюша, – но не воображает из себя. Юбок коротких и кофточек с голым пузом не напяливает, выглядит так, что посмотришь и сразу поймешь – учительница, а не чья-нибудь сестрица-стриптизерша.

Беседуя с Комбатом о его приемном сыне Сергее Новикове, Алена Игоревна не делала круглых глаз, не охала, не кивала снисходительно. Она что-то помечала в блокноте, уточняла, что Сережа любит, чего не терпит, о чем лучше не заводить разговор. Интересовалась взглядами могучего родителя не только на свой предмет, но и на природу подростковой преступности, на терпимость и готовность пойти навстречу тому, с кем жизнь была так неласкова.

– Звоните, если у мальчика будут проблемы. Я имею в виду не только по информатике, но и вообще... И приходите в школу почаще – это лучший способ не упустить ничего... – на прощанье она, единственная из всех педагогов, крепко пожала Рублеву руку.

Это понравилось, взволновало. И когда сын робко поинтересовался возможностью поработать у Подберезского для покупки компьютера, Борис Иванович пришел к Алене снова. И снова остался доволен этим визитом. Учительница быстро разобралась, что заботливый папа знает о ее предмете и основном инструменте, ему сопутствующем, очень мало. Не стала ни стыдить, ни высокомерничать, а просто вырвала листок из блокнота и подробно написала, что нужно покупать и где. Внизу приписала приблизительные цены, сверх которых переплачивать нет смысла.

– Москва огромна, Борис Иванович, продавцов не счесть... Но этих я знаю лично – земляки. Смело можете ссылаться на меня как на учительницу вашего ребенка, это учтут.

– Какой он ребенок – парень, – улыбнулся Комбат.

– Ребенок-ребенок. Пока отец жив и заботится, сын ему приходится ребенком. Зачем этого стесняться?

«Сама ты ребенок», – ласково подумал Рублев, повторно пожимая крепкую сухую ладошку Алены Игоревны. По пути домой он с удовольствием вспомнил окончание разговора с учительницей и решил, что ребенком назвал ее зря: лет двадцать семь, а то и тридцать наставнице есть, не вчерашняя студентка.

Компьютер они с Серегой купили на следующий день после консультации, и пока он сбоев не давал. Когда сын был в школе, отец, случалось, включал его главную игрушку и пы-

тался разобраться, чем лично ему эта штуковина может быть полезна. Ничего, кроме дурацкого пасьянса, самостоятельно освоить не удавалось, но он свято верил, что машина эта может гораздо больше, – ведь не ради виртуальной колоды карт плачена немалая сумма.

* * *

Рассматривая очередной конфетный фейерверк, весь в блестках и красном искрящемся серпантине, Рублев вдруг вспомнил о Сережиной учительнице информатики и даже покраснел от этой мысли. Сын, конечно, ни за что не поймет, если папаша заявится в школу с букетом цветов и коробкой конфет и преподнесет все это Алене Игоревне. Хотя если в День влюбленных, то такой жест можно расценить как гнусное предложение (Рублев даже поморщился на ходу, представляя Сережино и Танюшкино лица, узнай молодежь о его «старческой» блажи). Надо спросить у Андрюхи, хотя откуда ему знать, бездетному холостяку? С сыном, что ли, посоветоваться – тот скажет: «Давай букет, я сам предам». Или, еще хуже, напомним, что в сентябре родительский комитет собрал деньги на все плановые букеты, которые полагается вручать организованно.

С этими волнующими мыслями Комбат вошел в кондитерскую и сразу увидел Алену. Она сидела за маленьким двухместным столиком с заплаканным лицом. Рядом сидел

маленький мальчик, лет семи, и, глотая слезы, отхлебывал минералку из стакана.

«Вторник, у нее выходной», – припомнил Комбат расписание сына. Поздравлять с Днем святого Валентина молодую заплаканную женщину с обручальным колечком на руке было нелепо, но поздороваться следовало. Он кивнул, она кивнула в ответ, а мальчик заплакал очень слышно. Его мама засобиралась, шумно отодвинула стул и вышла с ребенком на улицу. Боковым зрением Рублев наблюдал – они никуда не торопились. Мальчик жестикулировал, очевидно, просил о чем-то, мама смущенно оправдывалась и тянула его за руку. Но малыш упирался, явно пытаясь настоять на своем. Стало даже интересно. Расплатившись за коробку разномастных пирожных, Борис подумал, не купить ли маленькому плаксе мороженое или большую конфету, но вовремя спохватился, что ничего не знает о чужом ребенке. А вдруг аллергия – не от бедности же мама поила его минералкой, хотя выбор соков был изрядный.

«Прекращай, мечтатель!» – велел сам себе Рублев и, вопреки планам, заказал чашку чая и кусок яблочного штруделя. Пока будет пить-есть, возмутительница его спокойствия уйдет, а он сам поостынет от крамольных фантазий. Нормальная, симпатичная учительница, замужняя, кольцо, видимо, всегда носит. Просто он, дурак, не удосужился это заметить. Зашла с сыном утром в кондитерскую и, возможно, к моменту появления там Комбата уже завершала сладкую

трапезу стаканом газировки. Что в этом особенного, необычного, какое можно разглядеть предзнаменование в подобной ситуации? То, что его бесстыжий мозг, забыв об отцовском долге и элементарных приличиях, вообразил себе невесть что!!! Паренек за прилавком испуганно вздрогнул, потому что огромный посетитель в камуфляже вдруг грохнул кулаком по столешнице так, что чайная ложечка выпрыгнула из чашки и со звоном ударилась о каменный пол. Рублев смутился и торопливо вышел, оставив оторопевший персонал гадать о причине взбалмошного поступка. Он быстро шел по улице, уже не любуясь ни витринами, ни счастливыми парочками. Коробка с пирожными мерно раскачивалась в такт его широкому шагу, и какая-то девчонка громко хохотнула своему кавалеру:

– Дядька щас все сласти искрошит, так руками машет.

Борис Иванович остановился, уравновесил хрупкую ношу и степенно двинулся дальше. Впереди маячила вывеска универсального магазина с огромной растяжкой о распродажах. Он решил зайти, просто чтобы переключиться и прицениться – Сергей рос, кроссовки, купленные к началу учебного года, уже поджимали, ботинки, скорее всего, тоже. Заперев пирожные в металлическую камеру хранения, он вошел в торговый зал и двинулся вдоль полок с пестрой обувью к самому большому детскому размеру, тридцать восьмому. Или тридцать восьмой они покупали в конце августа? И вообще, что за глупая затея – покупать ботинки без примерки? Задумчи-

во постояв перед огромным стеллажом, Комбат неторопливо вышел из отдела. Вокруг колыхались под музыку гирлянды сердечек и голубков, вызывающе одетые девочки раздавали покупателям открытки с призывами купить что-нибудь с праздничной скидкой, с оптовой скидкой, просто что-нибудь купить... Полуголые зазывалы обходили Рублева стороной, но одна, перемигнувшись с подругами, подскочила и быстро затараторила о том, что в отделе игрушек сегодня особенно большой выбор говорящих и поющих сувениров.

– Если вы робкий человек и не решаетесь признаться сами, наш плюшевый мишка сделает это за вас. Удобно, оригинально и недорого...

Комбат растерялся: робким его, пожалуй, никто не называл. А ведь сегодня он точно оробел от неожиданной встречи. Неужели заметно?

Оценив смущение потенциального покупателя, девица мягко поддела его под локоток и, раскачивая едва прикрытой попойкой, повела в сторону порученного ей отдела игрушек. Борис посчитал смешным отталкивать хрупкую девочку, после того как сам «отдался» в ее лапки. Он покорно побрел рядом, не догадываясь, что полмагазина со смехом наблюдает за их несоразмерным альянсом.

– Вот те, кто поддержит вас в самые ответственные моменты жизни! – промурлыкала провожатая, обводя рукой полки с медвежатами, зайцами, сердечками и совершенно дурацкими плюшевыми цветами.

– Разберусь, свободна! – Комбат грубовато освободился от направляющей его милашки, но она, очевидно привыкшая к разным покупательским причудам, уже нацелилась на другого простофилю. Рублев с отвращением уставился на пухлогубого, толстоногого амура, сшитого из коротковорсового искусственного меха.

«Кожа должна быть гладкой, он же все-таки человек», – Комбат не успел додумать эту мысль, как услышал знакомый, недавно звучавший плач. Мальчик из кондитерской, сын учительницы информатики, держал в руках маленькую машинку и лил горькие слезы. Она растерянно смотрела в кошелек и шевелила губами.

«Деньги считает», – понял Рублев, и ему стало неловко. Игрушка была копеечной; видимо, учительница просто забыла деньги дома и сейчас обнаружила, что не может оплатить дешевую покупку.

– Разрешите вас выручить, Алена Игоревна! Машинка ничего не стоит, и я с радостью подарю ее малышу!

Женщина подняла глаза, шагнула назад, словно ей предложили взять в руки заряженный «ствол», и замотала головой.

– Хорошо, тогда договоримся так, – Рублев уже протянул купюру кассирше, – в четверг у сына ваш урок, вернете деньги через него. Держи, малыш, играй на здоровье!

Мальчик прижал подарок к груди и облегченно всхлипнул. Его мама снова замотала головой.

– Я уволилась с сегодняшнего дня. Больше не работаю с детьми, – Алена говорила так горестно, что было ясно: факт ухода из школы для нее совсем безрадостен. Уверенное, спокойное лицо, которое когда-то так впечатлило, сейчас было потерянным, беспомощным, припухшим от слез. Оно было таким, что нормальный, уважающий себя мужчина просто обязан был помочь. А для начала – успокоить и развеселить.

– Сейчас вы мне все расскажете, я настаиваю.

Женские слезы подействовали на Рублева отрезвляюще, расставив все на свои места: он сильный – она слабая; он может сделать то, чего не смогли для нее сделать другие мужчины, но не потому, что она особенная... Просто он такой...

– Здесь за углом кафетерий, купишь всем по мороженому, – Борис протянул мальчику деньги.

Тот, не колеблясь, принял их. Поинтересовался:

– И маме взять?

– Маме обязательно, и тебе, и мне. Сейчас приду.

Мальчишка потянул расстроенную женщину вперед, а Комбат, не колеблясь, снял с полки медвежонка-девочку в платьице и попросил празднично упаковать. Получая свою покупку, он заметил, что девушка-зазывала привела в отдел бабушку с внучкой. Она заученно водила тонкой ручкой вдоль стеллажей с игрушками, при этом заговорщицки подмигивала и ему, и продавщицам.

Глава 2

Алена приняла игрушку без ломания и дурацких намеков. Аккуратно распаковала ее, улыбнулась и ловко, по-женски прикрепила полосатый бант с обертки мишутке на фартучек.

– Спасибо, вот уж не рассчитывала получить сегодня подарок. Знаете, у меня такие неприятности, что я даже не понимаю, как это могло произойти. И почему со мной? Что-то невообразимое, очень-очень странное... На столько странное, что в милиции мне посоветовали обратиться к психиатру.

– И что, записались в платную клинику или взяли талон в государственную? – Борис сам удивился откровенной иронии вопроса, но женщина не обиделась.

– Извините, как я могу к вам обращаться? Борис Иванович, если не ошибаюсь?

– Просто Борис, так короче...

Алена оказалась старше, чем он думал, ей было тридцать шесть. В Москву переехала ко второму мужу пять лет назад. Раньше жила в Белоруссии, в небольшом городке с незнакомым Комбату названием. Работала учительницей в местной школе, была замужем за однокурсником. Все у нее было размеренно, по-хорошему, пока однажды супруг не пришел домой бледный, с дрожащими руками и синими губами... Ничего не объясняя, положил на стол направление в столичную

клинику, в онкологию. Но он, как и многие в этом городке, опоздал... Злой рак поселился у него в стыдном мужском месте, но метастазы были в легких...

– Неоперабелен, – грустно констатировала пожилая докторша с лицом мудрой Тортиллы. – Но зачать ребенка еще может, со своей наследственностью, разумеется... Если хотите кого-нибудь на память – поторопитесь, лучше сделать это до начала химиотерапии и облучения...

– Химия нам поможет? – не о том спросила она...

– Просто продлит жизнь, на полгода или чуть больше, если повезет...

Им сильно повезло – иссохший, облысевший муж успел прижать к себе младенца Петьку. И еще два месяца видеть его на руках у Алены, розовощекого, пускающего пузыри. Потом муж умер, ему было тридцать три, ей двадцать девять...

– В нашем городе это так привычно, что никто даже не удивился. Нет ни одной семьи, не осыпанной чернобыльским пеплом. Стариков на кладбище мало, а детей много, представляете, – женщина говорила спокойно, отстраненно, словно пересказывала чужую историю.

– Почему вы не переехали оттуда, когда узнали о болезни мужа? – недоумевал Рублев.

– Куда? В Чечню или в Крым? В Молдавию тоже путь открыт... С чем ехать? В моем городке жилье ничего не стоит, а больше продать было нечего. Вслед за мужем и мать его от-

правилась на тот свет. Мы с Петей одни остались на два дома, моих-то родителей уже давно нет на свете. Вот тогда решилась ехать. Через год, когда памятники и мужу, и свекрови поставила. На Москву не замахивалась, даже не думала. Выбрала Брест, хороший город, чистый, уютный. Получилось квартиру там купить. А с новым мужем в поезде познакомилась, Петьку на него вырвало, – улыбка тенью промелькнула по лицу Алены и исчезла. Видимо, именно сейчас должна была начаться интригующая часть ее невероятной истории, не понятой московской милицией.

– Долго рассказывать, как я пыталась стирать рукав пиджака невольного знакомого в туалете, оставив сына ему на попечение. Когда вернулась с пиджаком – Петька уже успел стошнить себе и «попечителю» на брюки. Как потом выяснилось – отравился глазированным сырком. «Пострадавший» оказался доктором и к ситуации отнесся философски. Но на чай напросился. Отказать было невозможно: москвич, города не знает, гостиницу не заказывал – за день планировал рассчитаться с командировочными делами.

Пока она звонила в детскую поликлинику, переодевала обоих мужчин в чистое, заваривала чай, доктор и Петька успели подружиться. Они договорились часто созваниваться, громко спели известную обоим песню про остров невезения. Потом удачно переделали текст, заменив «невезения» на «везения», а «остров» на «островок».

«Островок везения в этом мире есть» – нараспев деклами-

ровали сын и его новый товарищ, пока Алена водила утюгом по приведенным в порядок брюкам московского гостя. Сам гость при этом выразительно поглядывал на хозяйку, покачивая мальчика на коленях. Петьке ужасно нравилось, ему было два с половиной года, родного папу он вообще не помнил.

В тот день доктор уехал, так и не получив от Алены номера телефона, но через неделю позвонил в дверь и с порога сделал предложение. Она решила, что от добра добра не ищут, и согласилась. Снова полгода бюрократических мытарств – продажа ее двухкомнатной в Бресте, его однокомнатной в Москве, покупка общей московской «хрущобы». Потом еще год на микроремонты макродефектов – и Алена, кажется, привыкла к новому супругу и жизни в большом городе. Петька «поступил» в детский сад, она устроилась в школу...

Слушай Борис другого рассказчика – давно бы прервал и попросил «не ходить кругами», но ее останавливать не хотелось. Учительница и сама чувствовала, что боится говорить о главном – из-за чего она уволилась, пересчитывает мелочь в кошельке, принимает многозначительные подарки от посторонних мужчин. Казалось, ей не хватает какого-то толчка, допинга. И Комбат решился предложить его.

– Как вы отнесетесь к бокалу мартини? Не подумайте, что я хочу затуманить вам голову, просто сейчас сам бы не отказался от рюмки водки.

– Ия водки, и запью апельсиновым соком, – просто ответила его собеседница.

На столе появились тарелка с бутербродами, два овощных салата, один фруктовый, графинчик с прозрачным со- держимым и кувшин с ярко-оранжевым. Рублев не чувство- вал ни наигранности, ни глубоко припрятанного кокетства, ни тайной порочности. Пила учительница неумело, по-жен- ски, сразу морщилась и запивала крошечные порции горя- чительного большими глотками освежающего.

После третьих двадцати граммов она прикрыла рюмку ла- дошкой и продолжила рассказ:

– Кирилл работал хирургом-стоматологом – удалял зу- бы, вскрывал флюсы, исправлял челюстные дефекты. Рабо- та ему не нравилась – часто жаловался на старушечьи гни- лые челюсти, запущенные гингивиты, плохочищенные про- тезы, бедно оборудованный кабинет поликлиники. Изредка приносил с работы коробку конфет или пачку кофе и шутил, что врачам, дескать, принято давать взятки покрупнее. Но- вых детей заводить не пытался, но Петьку любил. А потом пошел на курсы. Так он это называл...

– Знаете, Борис, – щеки женщины вспыхнули румянцем, – я сразу поняла, что он врет. Первая мысль была – любов- ница, но потом поняла: нет, не то... Но тоже страсть, ка- кая-то особая, тайная, занимающая его целиком. Он изме- нился, ожил, стал мало спать и редко бывать дома. Но ни- чего, совсем ничего не рассказывал. Читать стал запоем, в

Интернете часами «просиживал». Я, конечно, интересовалась, где он «зависает», – только медицинская тематика. Родная челюстно-лицевая хирургия, военно-полевая, врожденные дефекты и уродства. Гемисекция, закрытие сообщения полости рта с гайморовой пазухой, удаление новообразований слизистой оболочки полости рта, устранение рецессии десны, удаление камней из протока слюнной железы, установка дентального имплантата... Все по профилю, ничего подозрительного. И зарабатывать стал лучше – не как олигарх, конечно, но и не как рядовой доктор из поликлиники. Мебель обновили, гардероб улучшили... Я привыкла к его молчанию, расспрашивать перестала – надоело унижаться. Внешне все пристойно было: усталый, много работающий муж и жена, капризничаящая от недостатка его внимания. И, – тут Алена сделала глубокий вдох, сама себе плеснула в рюмку и залпом ее опрокинула, – я увидела, как он рисует на Петьке. Понимаете, он думал, я в ванной, поставил мальчика перед собой и стал рисовать на нем карандашом для подводки глаз. Он, вообще-то, всегда так делал, когда обдумывал ход операции. То есть рассказывал, что делает, если предстоит сложный надрез. А косметический карандаш – чтобы вытереть было легко, и гипоаллергенные они обычно.

– Вы считаете, что это не совсем обычно: выбрать приемного сына в качестве манекена?

– Нет, понимаете, Петька здоров. У него нет пороков развития челюстей, дефектов мягких тканей лица, сами види-

те...

Петька действительно выглядел абсолютно здоровым симпатичным пареньком, увлеченно катающим пожарную машинку между тарелками с салатом.

– Муж рисовал операцию по нанесению уродства! Я все-таки пять лет с Кириллом, книжки его не раз листала – сразу поняла... Надрез от угла рта почти до козелка, закрепление рассеченной щеки под скулой слизистой наружу, выворачивание верхнего века, раздвоение верхней губы...

Рублева передернуло от нелепых подробностей. Он даже мысленно не смог примерить страшную маску на играющего пацана. Ужас на лице Алены Игоревны доказывал, что она подозревает своего Кирилла в чем-то бесчеловечном.

– Знаете, то, что врач зарисовал мальчику лицо, еще не говорит о том, что он собирается делать. Можно понять ваши материнские опасения. Любая мать испугалась бы, – Комбат чувствовал, что фальшивит, уподобляясь милиционерам из райотдела.

Но женщина неожиданно положила свою ладонь ему на руку и тихо попросила:

– Дослушайте, вы не можете не поверить, только дослушайте.

И волна напряжения и отвращения отхлынула, уступив место любопытству и состраданию.

– Несколько месяцев назад они с Петькой принесли с улицы собачонку – гладкошерстную дворнягу. Я была против, а

сын, естественно, – за. Кирилл пообещал, что вынесет щенка через день-другой во двор, дескать, не пропадет он там. Я не могла понять, почему нельзя вынести его сегодня, когда Петя уснет, зачем приучать пса к дому, если «усыновить» его мы не готовы. Но муж настоял. Утром мы ушли – я в школу, Петя в сад. Вернувшись, песика, естественно, не застали... Малыш поплакал, я поуспокаивала – все, как и бывает в таких случаях. Потом готовить пошла и совершенно случайно выбросила вилку в мусорное ведро – смахнула вместе с куриными косточками. Естественно, решила достать... А там свернутый полиэтиленовый пакет, в нем туго скрученная газета. Убираю всегда я, Кирилл и огрызок до мусорки не доносит, бросает там, где ел. А тут целый пакет. Развернула я его, уж думайте обо мне что хотите. Вижу – марля, втрое сложенная, с дырой посередине, в йод испачканная, и собачья шерсть... Много шерсти, понимаете?

– Не понимаю, – честно признался Комбат.

– Он оперировал эту собаку, сначала побрил нужную часть кожи, потом обработал операционное поле йодом, покрыл салфеткой и резал...

– Что резал?

– Лицо, то есть мордочку. Щенок весь черный был, а на щеках и лапке белые пятна. Так вот – шерсть в газете была черная и белая, белой больше.

– Может, он ногти ему стриг или рану на лапе обрабатывал? – Рублев уже и сам понял, что говорит ерунду. На ла-

пах у уличной собаки шерсть будет грязной, даже если их вымыть с мылом.

– С одной лапы столько шерсти не набралось бы, зверек небольшой был.

– Но если он оперировал, то где? Чем? В чем стерилизовал инструмент? Где, в конце концов, следы крови? Тампоны, салфетки?

– Вы еще про анестезию не спросили, – качнула головой рассказчица. – Все это в домашних условиях возможно: резать на кухонном столе, светить настольной лампой, шить кривой сапожной иглой шелковыми нитками. Только ему это было ни к чему – кроме стола и лампы, дома было профессиональное оборудование.

– Зачем? Хотя понятно – каждый тащит с работы, что может. Повар – голенку, строитель – цемент, врач, оказывается, – шприцы, корнцанги и шовный материал.

– Именно так, этого добра всегда по коробкам было припрятано... Короче, видела я эту собачку потом, случайно – во дворе бомжи мусорный бак перевернули, долго прибиралась уборщица... А сверток с собачонком (она так и сказала – собачонком) вороны расклевали... Я сразу поняла, что это, кто это... Тот щенок... Уже через час узнать было невозможно – мягких тканей практически не осталось... Но все, как я и думала, – бритая операционная область, вывернутая наружу слизистая щеки, еще и насечки на ней – как при искусственном шрамировании. Знаете?

Про искусственное шраммирование Рублев не догадывался, но про настоящее – от ножей, крюков, зубов или пуль – знал не понаслышке. И все-таки рассказанное – еще не повод бросать работу.

* * *

Среди бывших друзей Кирилл считался «увязающим однолюбом». Эта вязкость делала его невероятно тяжелым в общении с тем, к кому он испытывал симпатию. В детстве мать не могла ни на минуту оставить его, чтобы сходить в магазин. Он хныкал под дверью уборной, бросался с кулаками на ее подруг, изредка заходивших в гости, вис на ногах у отца, когда тот приглашал маму танцевать. Невзаимной любви не существовало – если он хотел кого-то, его обязаны были хотеть в ответ. В школе одноклассники быстро научили маленького Кирюшу сдерживать порывы страсти, жестоко избив и унизив в грязном мужском туалете. И все из-за Светы – красивой бойкой отличницы. Не было ни одного мальчика, не мечтавшего поднести к дому ее портфель. В физкультурной раздевалке была разработана и утверждена справедливая очередность этого священнодействия, а он не подчинился, забежал вперед. За что был не только поколочен и перекрещен струями товарищеской мочи, но и насовсем исключен из очереди. Это сделало безответную любовь болезненно-щмящим наваждением. Света уже в третьем классе стала ред-

ко получать пятерки, к шестому подурнела и покрылась прыщами. Все забыли и о детской страсти, и об акте возмездия за покушение на коллективного кумира. Даже сам кумир – давно не красавица и не умница. Только мрачный мальчик Кирилл вынашивал план овладения запретным плодом. Почему-то именно с ним обыкновенная, непопулярная Света была неласкова и осторожна. В другой мужской раздевалке спустя восемь лет он снова был не удел, когда товарищи хвастались вольностями в отношениях с подругами.

Потом, в пионерском лагере, случилось взаимное чувство – девочка радостно соглашалась с его прилипчивостью и навязчивостью, позволяла прикасаться к себе и скромно и нескромно, никуда не убегала во время вечерних дискотек. Вообще, всячески давала понять, что готова на все. Он на это все, оказывается, не претендовал, ему вполне хватало ее присутствия рядом. Томительная подростковая связь затянулась почти на семь лет, поверх наслаивались другие, столь же извращенные отношения. Любая из его барышень была уверена, что она единственная, пагубная, на грани срыва и истерики страсть. Он и сам так считал, не видя патологии в том, что ловко запараллеливает отчаянные любовные истории. Отпустить женщину, которую однажды счел своей, Кирилл не мог. Некоторые вырывались от него замуж, другие спасались переездом, двое особенно ловких с легким сердцем обманывали, выдавая фальшивые чувства за реальные. Одна из них была та самая Света, которую он все-таки за-

получил спустя почти пятнадцать лет выжидания. На ней и женился, прожил несколько трудных лет, развелся. Вернее – она его бросила: интерн-стоматолог слишком мало мог предложить взамен на свою болезненную подозрительность и постельную назойливость.

К тому времени Кирюша научился скрывать собственные пороки, отвлекся на профессию. В доставшейся ему квартире женщины поселялись ненадолго, истерики случались реже. Зато все чаще он слышал упреки в том, что недостаточно щедр и платежеспособен. Однажды в его лапы попала школьница. Он при знакомстве и не подозревал, что этой полнотелой самочке всего семнадцать. Но она прожила у него три недели и каждый вечер перед ночными утехами добросовестно учила уроки. Даже просила о помощи. Потом, правда, переехала к какому-то новому папику. А на прощанье попрекнула бедностью и жадностью. Почему ей не жилось дома, почему никто не искал ее и не обращался в милицию, он как-то сразу не подумал. К счастью, эта девочка действительно не искала в мужчинах ничего, кроме материальной помощи и взрослой опеки. А могла бы при желании посадить за собственное соращение.

Алена с Петькой встретились доктору Кириллу Зернову, когда он был почти один. Всего две жертвы путались в его паутине, несколько раз в неделю сливаясь с ним в надрывном экстазе. Одна женщина была его сотрудницей, взрослой, несчастливой и до безобразия наивной. Другая – очень дав-

няя пассия, всегда возвращающаяся в его объятия после разрыва с очередным мачо.

Известие о его браке обе восприняли равнодушно, понимая, что для их отношений с дантистом Зерновым это угрозы не представляет. Каждая по-своему пожалела жену-провинциалку, порадовалась за мальчишку, обретшего суррогатного папашу. Большинство женщин Кирилла догадывались, что он бесплоден, некоторые знали это точно, так как наивернейшие способы «залететь» от него не срабатывали ни с первой, ни с десятой попытки. Сам он давно перегорел желанием родить наследника. Дети нравились ему, как большинству взрослых, своей энергичностью, восприимчивостью, любопытством. А Петька – редкой, своеобразной мимикой. Как челюстно-лицевой хирург, он видел в приемном сыне живой, действующий атлас мимических мышц. Это увлекало, профессионально забавляло, иногда даже помогало принимать решения.

– Ну-ка, малыш, посмеемся, – он щекотал Петю под мышками, подбрасывал к потолку, носился вслед за ним с игрушечной саблей. И не просто наслаждался – присматривался. Сначала просто любовался, удивляясь, как тонкая, полупрозрачная кожа демонстрирует сокращения и растяжения отдельных волокон и связок. Прикасался к раздумянившимся щечкам, прижимал пальцами ямочки в их уголках. Алене приятно было наблюдать за своими мужчинами, когда они баловались, дурачились, возились, шумели. Ничего особен-

ного в этой возне она не замечала. Да на первых порах ничего необычного и не было. Оно появилось потом, позже, после того, как Кирюша случайно встретил свою первую жену, Светлану.

– На Светку напоролся в торговом центре, – бросил он Алене за ужином, – растолстела, расплылась. Но бойкая, не унывает!

– Не унывает о чем? Вторая жена была неревнивой и нелюбопытной. Ей можно было рассказывать и о случайных и о неслучайных встречах с первой. Но тут Кирилл слукавил. Светлане действительно не о чем было унывать. В одном из павильонов «Горбушки» она оказалась почти случайно – ее новый муж был совладельцем всего торгового комплекса. Жене хозяина полагалось изредка «обходить владения с дозором», что она и делала, когда увидела Киру, влюблено уставившегося на новейший образец домашнего кинотеатра.

– Подарить? – он ошалело оглянулся на знакомый с детства голос. – Мне будет приятно, если ты примешь в дар такой пустяк.

– С каких пор, Светик, несколько тысяч баксов для тебя стали пустяком? – Кирилл уже пришел в себя от неожиданности.

– С недавних, но весьма стабильных пор, доктор Зернов. С тех самых, как я сменила твою фамилию на новую.

– Значит, с бедным стоматологом и кофе не выпьешь? – он перевел разговор со скользкой темы на привычную.

В кафетерии, сначала за чашкой, потом и за рюмкой, Света поделилась результатами удачного замужества – дома, яхты, магазины.

– Сейчас строимся в Сочи – двадцатитрехэтажный жилой комплекс «Миллениум Тауэр» и все при нем – бары, сауны, бассейны. Свой минимаркет. Слыхал?

Кирилл не слыхал, он вообще еще ничего не знал об Олимпийском Сочи, об огромных притоках капитала в этот регион, о грандиозных стройках и аферах, всегда реализующихся под видом всенародных проектов. Толстая подвыпившая Света, как умела, просветила его. Объяснила, что имеет свой интерес в Краснодарском крае – в рамках семнадцатой главы Заявочной книги для проекта «Сочи-2014», а именно – культурной программы. И предложила работу. Очень странную, на трезвый ум вообще невоспринимаемую, по-настоящему дорого оплачиваемую.

– Не икай, доктор Зернов, не давься коньяком – сам себя не реанимируешь! Подумай и ответь.

– А не боишься, что я «стукну» куда следует? – он спросил неуверенно, но с чувством собственного достоинства.

Света расхохоталась.

– Ты же не идиот, Кирюша, я хорошо это помню! Куда бы ты ни «стукнул» – попадешь туда, куда тебе как раз попадать не следует. И сам пропадешь, и жену молодую не пожалеют. Ты не спеши с ответом, дантист. А надумаешь – дай знать, вот визитка. Позвони, я заеду, посидим вместе, столкнемся

о деталях...

– Новый муж не приревнует? – попытался храбриться Кирилл.

Света снова засмеялась – громко, смело, уверенно. Со всем как в безумно далеком первом классе, когда в нее разом влюбились все мальчики.

Глава 3

Рублев знал, что не умеет ни плести свои интриги, ни расплетать чужие. Задача должна быть определена ясно, и тогда пути ее решения вырисовываются сами собой. Грамотная, логичная учительница информатики сформулировать задачу никак не могла. Похоже, она и сама не понимала, в чем запуталась. Или стеснялась понятно объяснить.

– Ма, я домой хочу! – Петька и наелся, и наигрался. Глазки смотрели сонно, устало. Машинка в очередной раз чуть не съехала со стола и не разбилась вдребезги о каменную плитку. Спасла ее только отменная реакция дяденьки Бориса. Вслед за машинкой на твердый пол едва не соскользнул сам мальчик. Он вяло сполз со стула, двинулся к маме, передумал, взобрался на широкие колени нового знакомого и сразу уснул, уткнувшись маленьким носом в его железную грудь.

– Давайте его мне, мы, пожалуй, пойдём... – Алена оборвала свой рассказ на полуслове.

– Не глупите, разговор не закончен. Вы назвали главный на сей момент результат, но так и не определили его причины. Из-за чего пришлось уволиться? Из-за бритого щенка? Как-то не связывается! Не проще ли мужа вашего спросить, зачем он это сделал? Вам не ответит – я поинтересуюсь. Уж мне не откажет в беседе, ручаюсь!

– Я, Борис, главное пропустила. И в разговоре нашем, и в жизни своей... Очень главное. Я ведь его, Кирилла, не любила по-настоящему. А замуж пошла, сына доверила.

– Да не ходите вы вокруг да около! – Комбат чуть не ударил огромным кулаком по столу. Если бы не маленький ребенок, доверчиво прижавшийся шелковой щечкой к его камуфляжу, точно не сдержался бы.

– Он усыновил Петеньку – я так рада была и в исполкоме и в загсе все бумаги подписала. И теперь все права на него имеет. Нам бежать надо, прятаться, уезжать из города!!!

– Да почему?

– Он запланировал какую-то страшную операцию, и проблемным материалом станет мой сын. Я чувствую – для этого он и взял меня с маленьким ребенком, и приручал его... И изучал... Он выбрал его – у меня нет сомнений.

– По-вашему, другой мальчик ему не подойдет? – Рублев сначала спросил, потом сам понял абсурдность вопроса.

Своего, изученного мальчика уродовать нельзя, а чужого, незнакомого, получается, можно? Изученный доктором Зерновым Петя в этот момент взмахнул ладошкой, что-то вскрикнул, повернул вспотевшую голову. От него вкусно пахло мальчишкой – детским волнующим запахом, который с годами меняется на тяжелый потный дух.

– Кирилла уже несколько дней нет дома – исчез вместе с документами. Но он недалеко, он следит за нами, а прятаться больше нигде. В Москве очень дорогое жилье, мы сняли

комнату на неделю, завтра она заканчивается. Глупо – и прописка у меня есть, и профессия, а затеряться в огромном городе не умею. Деньги заканчиваются, руки опускаются, идти к себе боюсь – там и украшения в сейфе, и шуба хорошая – можно продать. Я должна быть при Пете, иначе он украдет его из садика, из квартиры. Нужна такая работа, куда бы его пускали. На рынок с детьми берут – вы не знаете? Она вдруг горько заплакала, очень по-детски, хлюпая носом. Боясь потревожить Петю, Комбат глазами указал на салфетницу, но Алена Игоревна отыскала бумажные платочки в сумке и стала торопливо водить ими по лицу.

Она видела, что сильный, уверенный папа Сережи Новикова сомневается в ее странной истории. Сомневается, потому что она и сама в нее с трудом верит. Умом принять такое непросто. Но сердцем, сердцем она чувствует беду. Страшную, липкую, тягучую опасность. Совсем не такую, что грызла душу, когда умирал первый муж. Тогда была безнадежность и обреченность. Здесь – страх пострадать от чужого безумия и непонимание, как выжить. Там, на родине, было ясно, что тело спасти уже нельзя. Но душе болезнь подарила время и успокоиться, и подвести итоги, и дать напутствия. Сейчас времени нет – надо спастись. От опасности, которая столь же неопределенна, сколь велика.

– Вы пять лет в городе – у вас не появилось подруг, знакомых? Ваших, только ваших, о которых он не знает?

– Не появилось. На работе есть Маша, очень хорошая. Но

Кирилл в курсе нашей дружбы. Да и дети у нее, трое – Ванька-семиклассник и десятилетние девочки-близнецы.

– К моим друзьям пойдете? На время спрячетесь, потом подумаем.

Рублев осторожно вынул из прижатого Петей кармана мобильник и набрал Андрюху Подберезского. Назвал адрес магазина, в кафетерии которого находился, попросил приехать поскорее. Алена уже не плакала, она свернула из салфетки кулечек и ловко складывала в него обломки подарочного автомобильчика.

– Он проснется – обязательно спросит, а я соберу как-нибудь.

– Бросьте заниматься глупостями – это одноразовая игрушка. Пока малыш спит, а мой друг едет – пойдите купите такую же – он протянул деньги.

– Спасибо, хорошо, – учительница послушно взяла купюру и быстро ушла.

Десять минут Комбат ждал спокойно, еще через пять поймал себя на том, что сильно волнуется. Еще через семь примчался Андрюха, и они вместе побежали в отдел игрушек. Продавщица помнила их компанию и любезно сообщила, что мама (так она определила Алenu) после первой покупки больше не появлялась. Петька уже что-то пробормотал – он просыпался. Борис Иванович стоял посреди торгового зала с маленьким мальчиком на руках и чувствовал себя полным идиотом.

– Хорошо, ты хоть фамилию ее знаешь – уговаривал Андрей, а пацан проснется, адрес назовет – сейчас дети все свои реквизиты наизусть шпарят.

– Она мне не врала, Андрей. Не врала, и точка. Что-то случилось...

* * *

Если бы Борис Рублев мог почувствовать тот доводящий до тошноты страх, которым была пронизана Аленина жизнь в последние несколько месяцев, он поверил бы. Если не рас-кажу, то ощущениям. Но, к сожалению, Комбат не обладал даром телепатии. Умная, деликатная учительница была всего лишь женщиной, а значит, фантазеркой и актри-сой. Тем более сам он был настроен по отношению к ней весьма романтически. Запутанная история про операцию на щенке, нелепые поиски элементов поведения доктора Франкенштейна в личности собственного супруга казались слегка преувеличенными. Комбату на ум пришло вычурное словечко «экзальтация», которым обычно характеризовались чуть более кисейные барышни, чем он подбирал для себя. Он решил, что после уточнения деталей, так сказать проведе-ния рекогносцировки на местности, рассказ Алены Игорев-ны станет более стройным и приземленным. И вот – уточ-нять детали некому. Рассказчица исчезла вместе со свои-ми домыслами. А подвергаемый риску похищения Петька

остался при малознакомых дядях и китайской игрушке.

Петька проснулся и сразу же поинтересовался не мамой, а машинкой. На время его отвлекли вновь купленным самосвалом. Двое крупных, спортивно сложенных мужчин озабоченно курили на крыльце, а ладный, не похожий ни на одного из них мальчик гонял вокруг их высоких армейских ботинок пластмассовый грузовичок.

– Вообще-то, Боря, – неторопливо рассуждал Андрей, – если верить этим учительским байкам – первый ход сделан верно. Сам посуди: пацана у матери спереть, рук не окропив, – она до Интерпола дойдет. А если саму убрать на время – кто мальчишкой озаботится? Опять же – мама сбежала, так папа при сыночке остался. И увезти его может, и на лечение отправить – закон не возбраняет. Ждем, сейчас этот папаня из-за любого угла показаться может. Понимает ведь – Петя маленький, но не грудной, орать не будет. Всегда сказать можно, что маму в школу срочно вызвали, а он на смену явился.

– Думаешь, нас пасли? А я не заметил! Маловероятно... Мы с тобой не первый день знакомы – я любую слежку кожей чувствую. Не пилась бы мне водка, разговор бы не клеился, если бы кто-то нас контролировал. Ты давай пробегись по подсобкам и туалетам, может, барышня без сознания где-то лежит. Милицию и охрану поднимать нельзя – пацана живо заберут и к отцу-благодетелю переправят. Если глупость какая-нибудь произошла – сами разберемся. – Под глупостью

он имел в виду обморок, удар по голове в служебном помещении с целью отобрать кошелек, снять серьги или колечко.

– А где мама? – звонкий Петькин голосок не был ни тревожным, ни испуганным.

– Она бабушку одного двоечника в толпе увидела и побежала догонять, чтобы...

– Знаю, чтобы дать совет, как правильно учиться! – Петька деловито перебил его, с урчанием объезжая тяжелый рифленый каблук берца. – Она всегда родителям слабых школьников всякие советы дает. А «двоечник» говорить нельзя, это обидное слово. Кто сегодня слабоват, завтра может подтянуться!

– Да ты просто Сухомлинский! – присвистнул Рублев.

– Неа, я Зернов, как папа. И мама тоже. А раньше были – Пацерка, это бусинка по-белорусски. Мы ведь раньше в Белоруссии жили...

– Пацерка, почти пятерка... Хорошая фамилия для учительницы, правда?

Комбат уже видел, что Подберезский возвращается ни с чем, виновато разводя руки в стороны. Ни в местах общего пользования, ни в открытых подсобках Алены не было.

Не успел Подберезский рта открыть, как Рублев принял решение и поспешил его озвучить.

– Догнала твоя мама эту бабуся и пошла с ней к слабому ученику помогать домашнее задание делать. А нас с дядей Андреем попросила за тобой присмотреть, в гости позвать,

яичницей угостить.

– Она яичницу ненавидит! И я не ем – щеки потом чешутся. Я рыбку жареную люблю! Горяченькую!

– Купим, разогреем! – коротко заметил Андрей.

Петьку ответ устроил, он заерзал на руках у Бориса, потом объяснил:

– Поставьте меня на пол, я не маленький, сам пойду!

«И то правда», – про себя заметил Рублев. Он был предельно собран и внимателен. В то, что из-за прилавка выскочит доктор Кирилл Зернов и схватит малыша, он не верил. Не того полета птица.

Почти спиной к спине, не упуская из виду ни одного замешкавшегося, замедлившего шаг, они двигались к Андрюхиному автомобилю. Петя на удивление быстро уловил ритм шагов Комбата и семенил рядом, точно укладывая два своих шажка в один его.

Со стоянки выехали быстро, разговор вели вполголоса.

– У меня тут поблизости одна хорошая знакомая живет, к ней поедем, – уверенно заявил Подберезский.

Рублев понимал, что такое решение – палка о двух концах. С одной стороны, мальчишка будет досмотрен, непутевой барышне Андрей не доверил бы ребенка. С другой – она в десанте не служила, интернациональный долг с оружием в руках не исполняла. Если пацана найдут – защитить не сможет.

– Кто такая? – Комбат тянул время для принятия окон-

чательного решения, пока они стояли на светофоре. Мигнет зеленый, колеса закрутятся – и двенадцать секунд до перекрестка. Надо сейчас решить – направо к ней или прямо – к нему, Борису Ивановичу Рублеву.

– Вообще-то, одноклассница – случайно встретились на сайте. Знаешь, сейчас все там пасутся, odnoklassniki.ru называется?

– Ты сам давно у нее пасешься? Она с детьми-то как? Умеет?

– Нормально умеет, девчонка у нее десятилетняя. Мужа нет, вдова чеченская. Между прочим, и со «Стечкиным» дружит, и с «Макаровым» знакома. Галей зовут.

Загорелся зеленый, Андрюха выжал сцепление и приподнял брови, слегка повернув лицо в сторону своего боевого командира.

– К Гале, – скомандовал тот.

Пока Подберезский ловко выруливал из пробок и нырял в знакомые подворотни, Рублев пристально вглядывался в поток машин. Нет, слежки точно не было.

* * *

Ира Волошко была самой обеспеченной ученицей в школе: могла себе позволить ездить на занятия на такси, заказывать на большой перемене пиццу из ресторана, складывать учебники в фирменную сумку от Гуччи. Она пользовалась

такой дорогой косметикой и парфюмерией, что некоторые разбирающиеся в запахах учительницы чувствовали неловкость за собственный «массовый» парфюм. Ничему этому никто бы не удивился, учись Ира в элитной гимназии или частном пансионе. Но она была десятиклассницей обычной микрорайонной школы, наполненной детьми рядовых рабочих и служащих. Просто у нее неожиданно нашелся папа. До пятнадцати лет папы в их с мамой жизни не было совсем. Никакого. Ни воскресного, ни субботнего, ни одноразовых маминых поклонников. Потому что мама их не заводила. Она постоянно работала водителем троллейбуса. На сытую безбедную жизнь себе и дочери зарабатывала, жилье трехкомнатное имела в собственности, к мужчинам была абсолютно равнодушна. Иру родила в коротком незарегистрированном браке и от ее отца никогда ничего не ждала. Они прожили два года и мирно разбежались. Ни любви, ни ненависти эти люди друг к другу не испытывали – только скуку и взаимную усталость.

До семи лет Ира жила у бабушки в деревне Ельники. Ирочка водилась в основном с соседскими мальчишками – играла в «кича», в догонялки, футболила мяч по пустырю. Иногда ее брали за грибами или на рыбалку – она не мешала, спокойно брела рядом с кем-нибудь, не замечая ни подсиновиков, ни поклевки. Иной раз Петька или Гришка задерживались у густого куста, расстегивали или приспускали штаны, расставляли ноги пошире и звонко поливали листья,

ветки, траву пахучими струями. Ире тоже хотелось попробовать так, но бабушка объяснила, что ей полагается присаживаться «на корточках», потому что она все-таки девочка. К счастью, проследить, как внучка писает, бабушка не удосужилась – не бегать же с пятилетней кобылицей в нужник. Зато мальчишки от души хохотали, когда она, подняв на пузе футболку и опустив джинсы до колен, ловко направляла струйку на листья лопуха.

– В платье половчей получится, а то под конец все равно намочишь колошины, – советовали пацаны.

И она тренировалась над зловонной прорубью в крепком полу «куриного домика» на задворках. Если сильно потерпеть и потом быстро раздеться – получалось почти как у Петьки. А ноги помыть нетрудно, хуже, если носки или гольфы замочишь. Незаметно взять у бабки мыло и так же тайно вернуть его на место было непросто. Но и здесь она справлялась.

Обидно, что с наступлением осени «тренировки» приходилось прекращать – застирывать и сушить колготки было слишком заметно, а ходить в мокрых – неприятно. Так что зимой она, как и бабушка, пользовалась ведром и для крупных, и для мелких делишек. Между прочим, старушка утверждала, что и Петька с Гришкой так делают, и даже взрослые дяденьки.

Переезжать из деревни в Москву Ирочка не хотела. В школе ей не понравилось. Во-первых, все дети, кроме нее,

декламировали стихи, пели песни, умели лепить и рисовать. Некоторые даже знали буквы и могли читать.

Учительница не ругала отстающих, но мама вечно была недовольна. Тогда-то впервые Ира узнала, что она – безотцовщина. Спросила у учительницы, но та успокоила ее: «безотцовщин» в классе целых пять, а к концу выпуска станет шесть или семь.

– Откуда вы знаете? – грустно поинтересовалась угловатая, коротко стриженная Ирочка.

– Из опыта работы, – так же грустно ответила не очень женственная, с мужской прической учительница. А про себя добавила, что и сама она, и ее сынок – тоже полусироты.

– А я умею писать, как мальчик, стоя! – похвасталась неуспешная ученица, чтобы добавить уверенности и себе, и собеседнице. – А вы?

– Как мальчик? – учительница прикусила губу, чтобы не расхохотаться. Ее восьмилетний сын как раз плохо это умел и совсем не желал учиться.

– Нет, как мальчик, то есть как дядя, я не могу, только как тетенька. И ты уже переучивайся, пора. Начинай отращивать косички, ногти покрась, если хочешь...

В младших классах Ире повезло – ей досталась очень добрая и умная наставница, почти реабилитировавшая ее после оголтелой деревенской вольницы. Хорошо бы, не только Ирочка, но и мама прислушалась к советам педагога...

С мамой Ире было скучно. Они редко беседовали, нику-

да не ходили вместе, кроме магазинов и поликлиники. Если бы не одноклассники, учебники и телевизор, девочка бы не знала, что бывает кино, зоопарк, музыкальные школы и спортивные секции. В их маленькой семье заботились только о еде, здоровье, деньгах. Даже к бабушке мама ездила, исключительно чтобы взять что-то с огорода, помочь продать излишки урожая, подремонтировать ветшающий дом. Ближайшие родственники практически не разговаривали между собой, не скучали, не испытывали тревог и волнений. Они жили, как живут птицы или пчелы, – трудились, чтобы питаться, питались, чтобы трудиться. Сравнение с птицами и пчелами Ира не сама придумала – его подсказала одна красивая девочка из их класса, живущая с ней на одной лестничной площадке. В самом начале первого школьного года эта девочка два раза приходила к ней в гости, просто так, поиграть. У нее были с собой сухари в мешочке и разрезанное пополам яблоко. Яблоко тогда Ира съела целиком и очень удивилась, что соседка обиделась. Теперь-то она знала, что надо было взять только одну из двух половинок. Знала, но все равно не очень понимала почему.

В восьмом классе жизнь Иры Волошко круто изменилась. Во-первых, в школу пришла работать Она – Алена Игоревна. Такие красивые, добрые и умные женщины до этого встречались только в кино. А эта – живая, настоящая – стала их классным руководителем. Она подолгу разговаривала со всеми учениками и с ней проговорила целый час. Весь этот час у

Иры ком стоял в горле. От старшей собеседницы так вкусно пахло, что вдыхать хотелось бесконечно. А руки – какие это были руки! Тонкие пальцы, узкие ногти, ни одного заусенца или трещинки. Во время беседы эти руки ласково трогали компьютерные кнопки, занося в специальный виртуальный журнал Ирочкины особые приметы. Да-да, особые, то есть отличительные, индивидуальные, только про нее и ни про кого больше. Оказалось, что отсутствие папы – особенность, неналичие подруг в классе и вне его – тоже. И безразличная занятая мама, и очень похожая на нее, только во всем деревенская бабушка. Даже мальчишки, Петька и Гришка, с которыми она виделась каждое лето, но зимой никогда не переписывалась, не общалась в «аське», не знала номеров телефонов. И то, что в классе были мальчики, с которыми она за много лет учебы не обмолвилась и словом. Девочки такие, кстати, тоже были... Красивая учительница целый рассказ про нее «настучала» в свой маленький компьютер. Потом дискотеку придумала провести и даже Ирочкиной маме звонила, чтобы обязательно дочку отправила на общеклассное мероприятие. Мама сильно удивилась звонку – разве она запрещает? Пусть идет дочка, если хочет. Обычно Ира не хотела – ей было лень: скучно и неинтересно. Но в этот раз пошла и весь вечер просидела рядом с классной, вдыхая ее духи и слушая голос. Неразвитое сознание восьмиклассницы Волошко сделало первое в жизни яркое открытие – один человек может быть безразличен другому не только потому,

что кормит или одевает, а просто так. Девочка не была знакома с такими тонкими понятиями, как привязанность, обаяние, искренность. В четырнадцать лет она познала их сразу, стихийно и сильно, на фоне просыпающихся гормональных всплесков. Учительница стала ее кумиром и фетишем одновременно. Ей хотелось так же пахнуть, выглядеть, говорить. Невольно, подсознательно она копировала тембр ее голоса, походку, жесты. Некоторые внимательные одноклассницы сразу заметили метаморфозы, случившиеся с заурядной безликой Ирой Волошко. И, будь они обусловлены желанием понравиться мальчишке из класса или двора, могла бы Ирочка быть бита. Но «виновника» ее чудесного преображения вычислить не удалось, поэтому ни одного синяка или тычка она не получила. Зато стала получать очень приличные отметки, сначала по информатике, потом и по другим предметам. Стабильная «троечница» за полгода переродилась в обнадеживающую «хорошистку». Учебники перестали казаться ей материалом для растопки бабушкиной печки: они стали источником общения с Ней, Аленой Игоревной.

А в конце восьмого класса с Ирой случилось второе чудо – в ее жизни появился папа. Он, в отличие от любимой Алены, не стал ни эмоциональным потрясением, ни объектом для подражания. Дочка даже удивилась не очень сильно, когда однажды вечером за ужином мама объявила:

– Батя твой звонил, зайти хочет.

От бабушки Ира знала, что папа у нее был, «да весь вы-

шел», то есть уехал работать на Север и денег не присылал. А мама не просила, ей своих хватало. Ирочка никогда не страдала от его отсутствия, не интересовалась, как он выглядел, что любил, чем занимался. Ей не было любопытно, почему папа сошелся с мамой, почему расстался. Она вообще о нем не думала. Даже то, что ее фамилия не совпадает с маминной и бабушкиной, казалось обычным делом, не вызывающим кривотолков.

– И что мне с ним делать, про что говорить? – Ира просила совета скорее по привычке, чем искренне. Сценарий «дежурных» бесед прочно сидел в ее голове, навязанный сериалами. Надо спросить о здоровье, о работе, о повседневных привычках. Курит ли? Читает ли газеты? Какие передачи обычно смотрит?

– Он откуда взялся? С Севера? – она сама не знала, зачем спросила. Вообще-то, было безразлично, где обитает незнакомый и неинтересный ей папа. Мама не знала ответа, она пояснила, что сегодня раздался телефонный звонок: некто представился Виктором Волошко и попросил разрешения увидеться с дочкой.

– Голос вроде его, – мама тоже не выказывала ни волнения, ни любопытства. Единственное, что могло обозначить ее интерес, – она не переделалась в пестрый халат, а осталась в джинсах и свитере.

Сразу после этой куцей прелюдии раздался звонок в дверь.

– Иди ты открой, – мама потянулась к полке с посудой, чтобы поставить еще одну тарелку, пересчитала взглядом котлеты на сковородке. В это время с Ирочкой уже здоровался невысокий лысоватый дяденька. В руках его был яркий букет из красных и кремовых роз и толстая коробка конфет в виде сердца.

– Большая выросла! – папа потрепал ее по щеке, словно они вчера расстались. – Вот, это всем к чаю, а цветы маме. И тебе гостинчик.

«Гостинчиком» оказалась коробочка с толстой золотой цепочкой внутри. На цепочке болталась искрящаяся прозрачная слезка.

– Спасибо, – обрадовалась Ира, подарок ей понравился.

– Ей бы шубу или дубленку, если деньги выкинуть некуда, – мама уверенно указала в направлении кухни, и папа прошел туда.

– Будет и шуба, и две шубы...

Вот так запросто за котлетой с макаронами Виктор Волошко сообщил, что он богатый промышленник, готовый искупить грехи молодости и обеспечить единственной дочери запоздалое благополучие. В новой семье у него был сын Володя, на пять лет младше Ирочки. Эта новая семья сейчас жила в Англии.

Глава 4

Одноклассница Подберезского Галя жила в тринадцатом доме, на тринадцатом этаже, в сто тринадцатой квартире. Это показалось Рублеву если не предзнаменованием, то, по крайней мере, отличительным знаком: в злую магию цифр он не верил, но такие совпадения всегда удивляли. Столько чертовых дюжин сразу должны нейтрализовывать друг дружку и очень хорошо запоминаться. И сами цифры, и их «владелица». Но Галя оказалась совсем неприметной: среднего роста, неяркая, полноватая, бледноватая. Она говорила тихим добрым голосом, заботливо указывала всем, куда вешать куртки, где мыть руки, какие обувать тапочки.

Тапочки понадобились лишь Петьке, которого сразу увела за собой полненькая кудрявая девочка, очень похожая на Галю. Едва дождавшись, чтобы дети заперли за собой дверь, Андрюха зашептал:

– Пацана могут искать, ты никуда его не отпускай. Ни на улицу, ни в гости к соседям. Доктора в самом крайнем случае вызвать можно, но надеюсь, до этого не дойдет. Не знаю, когда мы за ним придем, – может, сегодня вечером, может, завтра или через неделю. Вот деньги, они лишними не будут. – Подберезский протянул женщине несколько зеленых купюр, и она спокойно, без ломания опустила их в карман фартука.

– Понимаю, попробую. Дочке все сама объясню. Что-нибудь особенное о пацане знаете – аллергии, страхи, пищевые пристрастия?

– Он яиц не ест, а рыбу любит, – изрек Комбат. – И врачей не боится.

– Спасибо, учту, – Галя спокойно кивнула Рублеву, словно братья на себя заботу о незнакомых чужих детях было для нее делом привычным. Особенно на неопределенный срок.

– Героическая женщина, – заметил Комбат, – ни лишних вопросов, ни внешней тревоги.

– Настоящая, надежная и честная, – Подберезский сказал очень тепло и искренне. Он знал Галю с семи лет, никогда не был влюблен в нее, но всегда ей симпатизировал.

Пристроить Петьку было простым и решаемым делом, куда сложнее – найти его исчезнувшую маму и защитить их обоих от папы-экспериментатора. Никаких предположений не было ни у Рублева, ни у его товарища. Одно оба знали точно – если человек пропал не по своей воле, время работает против него.

– Айда ко мне, обмозгуем, – Комбат пытался найти любую зацепку для начала действий.

Пока ехали к Гале, он успел в общих чертах пересказать Андрею историю Алены Игоревны и услышать тот же комментарий, который и сам мысленно сформулировал: в цепочке не хватает звеньев. Не станет папаша покушаться на сына, если нет либо страшной мании, либо больших денег.

Маньяка за пять лет умная и наблюдательная школьная учительница смогла бы раскусить. Но в ее рассказе Кирилл Зернов был скорее озабоченным, чем одержимым.

– А по мне, Боря, – Подберезский уже парковался во дворе у Рублева, – что одержимый, что озабоченный – все одно псих.

– Не скажи, – возразил Борис Иванович. – Озабоченного не уведешь с дорожки. Он планировать станет, пути к отступлению вычислять, выгоду просчитывать. С одержимыми проще – они, как верблюды во время гона, прут напролом, не замечая ни обстановки, ни опасностей. Одержимый обязательно прокалывается, озабоченный – не всегда.

Отпирая свою квартиру, Комбат вспомнил, что коробка с пирожными так и осталась в магазинной камере хранения, а ключ от нее – у него в кармане.

«Придется Серегу отправить, – решил Рублев, – иначе теракт заподозрят, людей напугают – это если бдительная администраторша. Если безалаберная – начнет забытая коробка благоухать через день-другой, покупателей отпугивать. Как ни крути, сначала надо «взвесить» ситуацию и план действий составить. Времени уже – почти полдень. Сын из школы вот-вот вернется, сразу побежит за забытыми сладостями. Танюша, если с ним придет, составит компанию по пробежке. А нам с Андреем думать-придумывать, как искать пропавшую учительницу и где потом прятать».

– Боюсь, Борис Иванович, без Бахрушина нам не подсту-

питься к этой истории. А с его помощью – проще простого. Фамилии главных действующих лиц мы знаем, но до досье сами не дотянемся. Полковнику ГРУ это нетрудно будет для нас устроить: пусть его ребятки подскажут, где именно работал такой стоматолог. А уж его коллег я лично возьму в разработку: мне с медсестрами всегда фартило.

– А как же Галя? Она разве медсестра?

– Галя, вообще-то, тоже школьная учительница, коллега пропавшей. Только она домоводство ведет у девочек – шить их учит, готовить, бюджет планировать. И глупостями, в отличие от меня, не занимается.

– Ты что-то упоминал о ее дружбе со «Стечкиным» и «Макаровым»? Умно, по-твоему, для учительницы домоводства?

– Так она с ними не от романтики подружилась, а от жизни в приграничном гарнизоне. В тир ко мне по старой памяти захаживает, навыков не теряет. Кто, Борис, войны не из книжек и не с экрана хлебнул, тот бронепоезд с запасного пути не уведет.

– Что есть, то есть, из песни слов не выкинешь – эту фразу Рублев произнес уже в сторону, прикрывая рот рукой, – он как раз дозвонился до своего высокопоставленного товарища и попросил о встрече. Зная, что по пустякам Борис Иванович беспокоить не станет, тот обещал быть у его подъезда в четырнадцать тридцать.

– Вряд ли у него будет больше пятнадцати минут, надо ре-

шить, что в рассказе Алены Игоревны было существенным, на что можно и нужно сделать акцент при поиске, – Комбат подошел к Сережиному письменному столу, который правильнее было бы назвать компьютерным, вынул из выдвижного ящика чистый лист бумаги и две ручки. Андрей с пониманием взял одну из них, а чистую страничку разорвал пополам.

– Каждый пускай прикинет свою версию, а потом обсудим и объединим. По-научному это брейн-ринг называется, когда с разных сторон к одной проблеме подкатываются.

– Да знаю я, – невесело улыбнулся Рублев, расправляя белый листок прямо на колене, – грамотный, и телевизор иногда включаю.

Несколько минут оба сосредоточенно складывали, вычитали, прилаживали друг к другу детали странной истории. Первым заговорил Комбат:

– Если предположить, что она говорила правду, то получается, что ее мальчик – завершающий этап эксперимента. Та несчастная собачка – далеко не единственный «тренировочный полигон», а ребенок с хорошими пластическими данными – не первая проба. Петя, как это называется... – Рублев сморщился, пытаясь вспомнить «выскочившее» за пределы памяти выражение.

– Выставочный экземпляр, – подсказал Андрюха.

– Вот-вот, только я хотел сказать «экспонат».

– Значит, надо узнать не только место работы Кирилла

Зернова, но и следы других подопытных. Находил ли кто резанных собак и кошек, видел ли изуродованных деток. Людей он дома точно не оперировал, но и в подвале долгостроя такого не сделаешь. Пациенту, между прочим, анестезиолог нужен. Он обычно в паре с хирургом работает. Аппаратура должна быть специальная и для контроля состояния, и на случай реанимации.

– С медсестрами, парень, тебе точно фартило, не соврал, – пошутил Комбат, намекая на рассуждения Подберезского о стратегических и тактических деталях медицинского преступления.

В это время послышался звук поворачивающегося в замке ключа, вслед за ним голоса Сережи и Тани.

– Рановато, вы, ребятаки, – строго заметил папаша. Прогуляли или «записки от родителей» друг для дружки написали?

– Зря вы, дядя Боря, – вступилась за обоих Танечка, – у нас информатику отменили – Аленка заболела неожиданно, замену найти не успели. А у Сережи спецподготовка, так ему уйти разрешили, потому что он лучше всех стреляет и все нормативы давно сдал.

– Я же тебе говорил, отец, вспоминай... – сын оправдывался спокойно, не пряча глаз.

– Ладно, молодежь, для вас дело есть неотложное, выручайте. Вот ключ, надо забрать в камере хранения одну сладкую коробочку. Я ее там забыл часа полтора назад.

– Случилось что-то, папа? – лицо Сергея из добродушного стало озабоченным. Он слишком хорошо знал своего родителя, чтобы допустить, что тот забыл одну покупку, отвлекшись на другую.

– Ничего особенного, – твердо заявил Рублев. Такой тон, Сережа это точно знал, означает, что комментарии пока не предвидится.

Танюша аккуратно разместила на тумбочке пакет со знакомым Комбату зайцем, бережно вынула из него маленький букет бледно-фиолетовых цикламенов.

– Вы мои цветы в водичку пока поставьте, низкая вазочка найдется? Если нет – обычный стаканчик подойдет.

Комбат принял из детских рук странные нежные цветы на коротких ножках. Как непохож был этот букетик на тот, который он выбрал бы для Алены. Этот – робкий, наивный, абсолютно мальчишеский. Он бы дарил яркий, откровенный, подчеркивающий его мужественность и ее женственность. Это были бы розы, только розы.

Дети вернулись быстро, не прошло и получаса. Увидев, что старшие молча дымят под кухонной вытяжкой, Таня уверенно отправилась на кухню. Специальной вазы для пирожных в доме не было, и девочка ловко разместила их в обычной глубокой тарелке. Выставила на стол четыре комплекта чашек с блюдцами, под каждый положила цветастую салфетку, сбоку – чайную ложечку. На середину – сахарницу и заварник.

– Заварите, дядя Боря? – она сняла с полки пачку хорошего листового чая.

– Давай уж сама, ты мой вкус знаешь.

Рублев с удовольствием наблюдал за маленькой хозяйкой. Между затейливыми емкостями она ловко пристроила хрустальный стакан со своим подарочным букетом, критически оценила композицию и задала вопрос «в никуда»:

– Может, мужчины, вам и рюмочки пригодятся? В холодильнике водка имеется и лимончик. Сыр тоже есть – пойдет на закуску.

– Ну и невестка у тебя, Борис! – Андрей не впервые видел Сережкину пассию (парень приводил ее в тир), но никогда не замечал в ней маленькой женщины.

Сергей, как ни странно, не зарделся и не отвернулся, только кивнул. Он не помогал своей подружке хозяйничать, зато успел почистить и покрыть жирным кремом ее смешные полудетские сапожки, украшенные листочками и ягодками.

– Садитесь уже, я пока яичницу на всех сделаю. Сереж, тебе глазунью или взбить? А вам, мужчины?

Матерые холостяки пожали плечами, для них ситуация была слишком неожиданной и неоднозначной. Дитя тринадцати лет от роду спокойно и уверенно распоряжалось рублевскими рюмками-тарелками, сыром и водкой. И взрослым это, похоже, нравилось, казалось уместным. Андрей присел на край табуретки. Он вдруг остро почувствовал, как скоротечна и предсказуема жизнь. Если дети рождаются, растут,

значит, кто-то, пришедший в мир раньше их, стареет и уходит. Все это знают о других, но с трудом примеряют на себя. Девочка, годящаяся ему в дочери, умело управляется с хозяйством, на равных садится к столу, берет на себя ответственность за коллективный обед или ужин. Не одна она, наверно, такая. Галя спокойно перепоручила Петьку своей дочери, пока уточняла, как с ним себя вести. Взрослые дети – пожилые родители. Пожилые, – Подберезский переставил ударение на «жи». Да, пожилы они с Комбатом немало, а уж пережили – на сотню обывателей с лихвой хватит. Вот только главного – потомства, последователей себя, своей крови – не нажили. Комбат если не биологию, то хотя бы психологию свою продолжил – Сережку растит. А он? Какой след оставит?

– К столу, к столу, времени у нас немного, – Рублев отвлек товарища от философствований. – Я водку отменил, не обессудь, – на случай, если ехать придется. Так что яичница с тертым сыром и маслинами на первое, чай с пирожными на второе.

Танечка ела мало, поклевывая из тарелки, как воробышек, хлеба вообще не взяла.

– Родители-то дома? – поинтересовался Рублев у девочки. Делал он это больше из вежливости, чем из любопытства.

– В Китае, послезавтра чартером прилетят. Завтра отпустите Сережу ко мне после занятий, он уборку поможет сделать?

– Когда я его не отпускал? Ваше дело детское – перед родителями отчет держать по всем вопросам.

Серезка обмакнул кусок хлеба в яичный желток и только промычал нечто выражающее согласие с высказыванием отца.

– Жалко, информатику отменили, – чувствуя, что оживления за столом не прибавляется, Танюша старалась вести беседу.

– Между прочим, – Сергей наконец покончил с глазуньей и тянулся за эклером, – говорят, она вообще уволилась.

Таня чуть не подавилась слоеной трубочкой с кремом.

– Кто говорит? Завуч четко объявила – заболела. Я не ослышалась. Можно Надьке позвонить, переспросить!

– Вас специально дезинформировали, мне Белкин по секрету рассказал. Когда в ее десятом честно признались, у одной девочки сердечный приступ был. Или не приступ – истерика, а может, припадок. Короче, «скорую» вызывали, домой звонили. Поэтому решили сообщать плохие вести аккуратно – Аленку ведь любили все. Белкину можно верить – его старшая сестра в приемной директора секретаршей сидит. Кстати, я даже знаю, кто в обморок падал, – миллионерка.

– Это та, которой пиццу носят из ресторана?

– Точно, дочка спонсора, Ира Волошко.

Рублев с Подберезским переглянулись. Трудно сейчас решать, но возможно, что этот трогательный факт станет одним из звеньев в цепочке, ведущей к Алене Игоревне.

В четырнадцать двадцать пять Комбат спустился к подъезду. Еще через три минуты невдалеке от него припарковался грязно-зеленый «жигуленок»-девятка. Из облезлого авто вышел водитель – крепко сложенный мужчина в поношенном джинсовом костюме. Опытный глаз легко заметил бы под утепленным джутом оружие. Водитель быстро огляделся и стал, прижавшись спиной к своему неприметному средству передвижения.

Ровно в четырнадцать тридцать Комбат приблизился к теплохранителю и произнес свою фамилию. Тот вежливо кивнул, отступил в сторону и позволил гостю сесть в салон.

Мужчины деловито пожали друг другу крепкие ладони. Леонид Васильевич удовлетворенно похлопал бывшего коллегу по плечу – дескать, не берет тебя, братец, ни время, ни болезни. Рублев, наоборот, постарался не выказать откровенной тревоги за здоровье товарища полковника – тот был бледен, над глазами нависли мешки, а руки покрылись мелкими пигментными пятнами, раньше не бросающимися в глаза.

– Выкладывай, Боря, мало времени. Да не гляди так браво – знаю, не орлом смотрюсь и не соколом. Привыкай – кабинетная жизнь для мужчины, как девственность на сороковом году. Не прибавляет ни красоты, ни здоровья.

Рублев промолчал – не стоит оправдывать вялое состояние тела состоянием духа и приводить нелепые сравнения. Здоровый образ жизни – привычка, ее не купишь за деньги,

не привьешь взмахом волшебной палочки. Девственность тут ни при чем – и в монастырях есть подтянутые, спортивные невесты. Равно как и рыхлые, медленно шевелящиеся матушки.

Коротко и внятно Комбат изложил историю пропавшей Алены Зерновой, ее сына Петьки и мужа-стоматолога.

– Мне бы об этом Кирилле узнать поподробней – где именно работал, когда и как повышал квалификацию, в каких медицинских центрах стажировался? Если есть сведения о близких друзьях, любовницах, родственниках – тоже лишними не будут. Да, вот еще что – мы с Андреем подумали: может, есть нераспутанные истории про загадочных животных? Это могли бы быть монстры, обработанные доктором Зерновым или его коллегами.

Бахрушин слушал внимательно, но выражение недоумения не сходило с его подвижной физиономии.

«Влюбился Боря на старости лет, – только и подумал он, вникая в предположения об уродующих пластических операциях. – Ушлая баба наплела ему с три короба, сынка на время пристроила в надежные руки и была такова. Подумаешь, учительница – жены генералов, случается, «гастролируют» самым непотребным образом. Желторотых солдатиков крадут и на Кипр увозят для телесных утех. Провинциальным мальчишкам в радость приключение за границей, а дамочки ни позора не боятся, ни Бога, ни мужниного гнева. Ладно, найти чужого мужа и собрать сведения о нем – дело

нехитрое. Случилось и беспристрастному Комбату поддаться женским чарам. Почему бы не помочь в таком очевидном деле – глядишь, через годик на крестины пригласят».

– Вы мне не верите, Леонид Васильевич? Думаете, за нос меня повели, а я вас пытаюсь?

– Да нет, Боря, – полковнику стало неловко за то, что не сумел скрыть свой профессиональный вердикт.

«Стареем, – невесело подумал Бахрушин, – и он и я. Поэтому пусть использует шанс увести понравившуюся женщину от странного мужа. Столько раз Главное разведывательное управление пользовалось услугами Бориса Рублева, что может себе позволить оказать ему маленькое личное одолжение. Тем более просит парень искренне».

– Завтра здесь же в полдень, идет? – полковник не стал высказываться вслух о просьбе старого боевого товарища – не хотел обидеть или разочаровать. Но в голове упорно звучала браваурная песенка из знаменитой «Собаки на сене»: «Смешон не первой свежести жених...»

Рублев вернулся к себе недовольный встречей.

– Не принял он меня всерьез, Андрей. Решил, что ищу сбежавшую любовницу-интриганку.

– Что, так и сказал – интриганку?

– Ничего не сказал, но иронию в глазах скрыть даже не пытался. Снисходительность какую-то я в нем почувствовал, будто не о жизни человеческой беспокоюсь, а льготный кредит прошу выделить без всяких на то оснований.

– Думаешь, не добудет информации по Зернову? – сощурился Подберезский. – Не хотелось бы, чтобы серьезный полковник из Главного разведывательного управления воспринял историю с пропажей учительницы именно так, как он и воспринял, – не поверил в существование настоящей опасности.

– Информация будет: если Бахрушин взялся, значит, сделает. А сейчас можно и по маленькой. Лучше думаться будет. Заодно хозяйшку нашу про спонсорскую дочь порасспросим – кто такая, чья, чем спонсирует.

Глава 5

Алена Зернова очнулась от первого в жизни обморока. За прожитые тридцать шесть лет она ни разу не лишалась чувств ни от горя, ни от радости, ни от испуга, ни от боли. От тяжелых механических воздействий – тоже. Но, несмотря на отсутствие прошлого опыта, сразу поняла, разобралась в своем состоянии. Оно было отвратительным. Голова очень легкая, почти невесомая, словно воздушный шарик к плечам приклеен – даже от слабого ветерка может оторваться. В глазах – не то искорки, не то звездочки. Мысли обрывочные, куцые, не оформленные хотя бы в мало-мальски понятные фразы. И все это на фоне легкого недоумения – с ней ли это происходит, верно ли восприняты ощущения?

Она пошла за новым автомобильчиком для Петьки, но, не успев сделать и пятидесяти шагов, была подхвачена под локоть и вытащена на автомобильную стоянку. Быстро, слишком быстро, чтобы успеть испугаться, ее затолкали в большой черный джип, и все... Дальше провал. А сейчас – трудное «возвращение». Вращать невесомой черепной коробкой, парящей над плечами, непросто. Взгляд не успевал за движением: перед глазами оставался «эффект метелки», как если бы картинка была песчаной и ее ссыпали со стекла. Еще хуже то, что мысли не успевали даже за столь медленным и нечетким «проявлением изображения», констатируя: вот

стол, вот штора, я лежу на кровати, рядом стоят мои сапоги, рядом с сапогами чьи-то тапочки, я здесь ни разу не была...

Действительно, квартира, в которой приходила в себя после инъекции калипсола учительница Зернова, была ей незнакома. Как неизвестны были мужские голоса, звучащие за стенкой. Новым был сильный запах отдушки, струящийся от постельного белья, поверх которого она сейчас лежала. И совсем странными были чувства неясного страха и большой потери. С каждой секундой страх усиливался, к нему стали примешиваться необъяснимая тревога и тоска, тягучая, темная. И вдруг – яркая, болезненная вспышка: Петя! Его здесь нет! Его уже давно нет рядом! Она не знает, где он! Попытка сесть, широко открыть глаза – и новый провал, словно в колодец полетела.

На самом деле приблизительно половина пациентов, обезболенных анестетиками поколения девяностых, проходят при выходе из наркоза стадию бреда и галлюцинаций весьма мрачного свойства. Некоторые переживают раздвоение личности. В очень редких случаях бывают приступы выраженной агрессии и настоящего буйства. То есть то, что испытывала Алена Игоревна, было далеко не худшим вариантом нормы. Но она этого не знала. Как не знала и не зафиксировала ни зрением, ни слухом, кто и зачем привез ее в совершенно незнакомое место.

Второе «возвращение», «подъем из колодца», было гораздо короче и определеннее. Длинный пустотелый бетонный

столб, холодный и скользкий. Но, если поднять, запрокинуть невесомую голову-шар, станут видны небо и солнце. Сначала очень далеко, потом ближе и ближе, даже чувствуются горячие лучи на коже. И вот она покидает колодец и ложится рядом с ним. Только куда? На лужайку, на живые ромашки? Ладонь шарит по шелковистым лепесткам и твердым желтым серединкам, но они не различаются на ощупь. Алена пристально вглядывается, принюхивается – опять резкий запах стирального порошка, а цветы плоские. Это просто рисунок на пододеяльнике. Слава богу, она под крышей, вот окно – слышен шум города. Какого? Она в Москве? А Петя где? Где ее сын? Вторая попытка сесть почти удается. По крайней мере, она оперлась на предплечье, ощутила его жесткость. Подняла вторую руку, провела ею по волосам. Собралась с духом, оттолкнулась, опустила ноги на пол, зафиксировала взгляд на сапогах. Пусть они будут мысленным якорем, удерживающим ее в равновесии. Теперь упереться ладонями и встать. Чтобы идти. За Петей... В голове закружилось, перед глазами замелькали большие мухи. Или это снежинки, враз прилипшие ко лбу? Как их много, таких тяжелых! Как быстро они тают и ручьями стекают по всему телу!

Со стороны казалось, что очень пьяная дамочка пытается сделать несколько неуверенных шагов, но ей, конечно же, это не удастся. К счастью, падает она на кровать и снова проваливается в дремоту, липкую, полную ужаса.

Макс с любопытством наблюдал за пленницей из-за ку-

хонной двери – специально приоткрыл. «Цирк» длился уже почти час, но его предупредили, что именно так и будет. Быстро женщина не проснется, только с третьей или даже четвертой попытки. Возможно, не сразу вспомнит свое имя, фамилию – их обязательно надо спросить, когда на лице у нее появится более-менее осмысленное выражение. Кроме того, тогда же придется посчитать и запомнить пульс. Если за десять секунд будет больше двадцати ударов – дать выпить таблетку, ту самую, что лежит сейчас в кармане, завернутая в обрывок фольги. Когда частота сердечных сокращений нормализуется – предложить ей кусочек шоколада, стакан сока. Потом, еще через два часа, приготовить жидкую овсянку на воде, с медом.

Все эти инструкции были загружены в память его умniejsкого телефона, как сам он грузит хитовые песенки и свежие приколы. Постепенно возвращаясь в сознание, Алена Игоревна слышала «беседу» своего тюремщика с голосовым файлом. Но она этого еще не знала. Она ничего не знала, даже догадок никаких не имела. Слишком трудно было сейчас что-то вспоминать, сопоставлять, анализировать. Начала сильно болеть голова, из воздушного шара превратившаяся в чугунную неподъемную болванку. В конечностях ощущались дрожь и слабость, несмотря на то что она лежала на спине и разглядывала потолок. Ясно помнилось, что недавно она пыталась встать, но упала. Сейчас мысли были четче, яснее: слабость осознавалась и умом и телом. Невесомыми,

ненадежными стали руки и ноги, словно из них вынули кости и распластали рядом с телом бесполезными тряпками. А пальцы живут отдельно от них, сами по себе. Слушаются головы, подчиняются ее командам, когда она велит им пошевелиться. То всем сразу – на ногах, то каждому в отдельности – на руках. И еще – неприятные ощущения в животе. Внутри катаются и мерзко урчат большие круглые пузыри. Но какое ей дело до пластилиновых рук и взрывоопасного живота, если она не знает, где ее мальчик?

– Где Петя? – Алена хотела закричать, но слова получились глухими и медленными, язык слушался с трудом.

– Где я? Где мой сын? – теперь она старалась не кричать, а говорить.

Увидев, что женщина пришла в себя, Макс вышел к ней, опустив на лицо шапку-маску. Она сразу вспомнила, что тот, кто выхватил ее из толпы, был без маски. А вот в машине вез, держал другой человек, прикрывающий лицо. Каким был шофер – не увидела, не успела.

– Как самочувствие? Что-нибудь нужно?

Главный вопрос о сыне был проигнорирован. Зато тюремщик присел рядом, неумело обхватил ее запястье и стал губами отсчитывать удары сердца, глядя на секундную стрелку больших настенных часов.

– Восемнадцать, – удовлетворенно пробормотал он. – Сейчас шоколадинку съешь и соку выпьешь. Он так и сказал – шоколадинку, и Алена отложила эту характерную оговор-

ку в память.

– Мне в туалет нужно, потом все остальное. Куда идти?

– Я доведу.

Максу было велено провожать ее до любой двери, кроме входной, и не позволять запираяться изнутри. На его предложение вообще свинтить запирающие задвижки возражений не имелось, да поленился он. Кроме того, отвертку дома забыл, а здесь порылся в двух ящиках – не нашел. Дальше искать не стал. Сейчас он испытал легкую неловкость, но послушаться приказа не посмел. Вставил ногу в грубом толстом ботинке между стеной и дверью, грубо рывкнув:

– Не велено!

– Что не велено? – женщина пошатнулась и вцепилась в раковину умывальника.

– Ты не стесняйся, я ни смотреть, ни слушать не стану. Закрывать тебе нельзя, поняла?

Она поняла, что осмотреться не получится, а в туалет просилась именно для этого. Включила шумно воду, для достоверности присела на унитаз, нажала сливную кнопку. Обычный смежный санузел, чистый, красиво оформленный, без окна, с маленьким вентиляционным люком, в который только кошка проберется. Алена постучала ногой в колготках по фаянсовым чашам – нет, не разобьет она ни раковину, ни унитаз. Сил не хватит. На полках только флакончики, ими делу не помочь. Зеркало закреплено шурупом – тоже не снять самой. Может, через пару минут попроситься сно-

ва, обув сапоги? Осколками битого стекла можно ранить или убить охранника и бежать. Только куда? А если она не в Москве? Если вообще в другой стране? Где сейчас сумочка? В ней паспорт или забрали? Нет, драться и сбегать пока рано, лучше провести разведку, попробовать узнать, кто и зачем ее выкрал. И главное, что с Петей?

Голова снова закружилась, но состояние клубящегося бреда не возвращалось. Холодная вода взбодрила, добавив крепости мышцам рук и ног.

– Открывайте, дайте мне руку – боюсь упасть.

Педагогика и психология научили ее, что контакт «рука об руку» – хорошее начало для завязывания дружеской беседы. Макс, однако, психологией не увлекался. Он смело вошел, подхватил легкую красивую женщину на руки и отнес к кровати. О таком контакте социальные науки говорят как о располагающем к интимному общению. Именно им начинаются тысячи любовных сцен в книгах и кинофильмах, даже когда любовники заранее не планировали ничего такого. И парень действительно почувствовал легкий флер романтики, когда ему пришлось упереться коленом в кровать, чтобы не бросить свою ношу плашмя, дать ей возможность сесть, одернуть задравшуюся юбку. Предлагая пленнице сок и шоколад, он смотрел на нее по-мужски изучающе, невольно задерживая взгляд на шее, груди, коленях.

Новый брак внес в Светину жизнь множество перемен, но самым главным, желанным изменением на первых порах стали не деньги и не власть, а поездки. Любые туристические агентства радостно распахивали двери и возможности, едва осознав глубину кошелька клиентки. Сначала, по неопытности, она заказывала место в групповых, стадных турах. Потом, войдя во вкус, требовала только индивидуальные, разработанные под ее личный запрос. Муж нередко составлял ей компанию – ему нравилось, когда менялись пейзажи за окном, цвет кожи и акцент официантов. Перегруженный бизнес-информацией, он редко слушал экскурсоводов, гидов, проводников, воспринимая их истории как неизбежный гул. Зато Светлана с удовольствием знакомилась с любимыми артефактами, скупала дорогие и дешевые сувениры, фотографировалась. Новые впечатления помогали ей, по ее собственному выражению, «привыкать к размаху». Маленький зерновский мирок, ограниченный скрипучим диваном да микрорайонным кафе, лопнул, как перегретый флакон дезодоранта. Теперь прошлая жизнь напоминала ей засорившуюся провинциальную речушку, в которой окрестная детвора радостно плещется только до первой поездки к морю.

Были и любимые курорты, куда хотелось вернуться, даже

остаться. К ним она присматривалась, интересовалась ценами на местную недвижимость, оставляла заявки. Сама покупать не могла – такие решения принимал Ваня и пока ни разу не поддержал ее порыва купить квартирку в приморской или приокеанской зоне. Говорил, будет ревновать жену к аборигенам. Света не перечила.

Из недавней поездки она вернулась под очень сильным впечатлением от увиденного. Отдыхала не одна – в компанию досталась жена Ваниного младшего брата и компаньона Лиза с сыном. Этот самый неугомонный и бесцеремонный Вовочка и подсуетил острые впечатления. Он в Индонезии был не впервые, валяться на пляжах Бали и Калимантана не хотел. Суматранские орангутанги, новогвинейские похоронные ритуалы, храмы Боробудур не волновали лондонского подростка Владимира Волошко – он их не раз видел. От однокашника Вовик знал, что в Джакарте среди особняков старой Батавии или в китайском Глодаке можно увидеть выступление удивительного, единственного в мире цирка. Артисты в нем – сплошь уроды, каких и вообразить невозможно, – человек-пузырь, человек-дерево, человек-нос. Ничего особенного эти чудовища не показывают, кроме самих себя, но посмотреть стоит.

– Я думал – маски на них, еще спросить хотел, где можно такие купить, – Эгис, сын латышского дипломата, рассказывал эту историю с таким неподдельным ужасом, что не поверить было невозможно. Он клялся, что сделал несколько

фотоснимков, но маме, увидевшей их, стало дурно, и отец собственноручно удалил циркачей из памяти фотокамеры.

– Папа мне даже вспоминать о них запретил, только не получается. Тетка с отвисшей половиной лица, в которой глазик запутался, снится часто. И мужик один вонючий с руками, словно дерева, – тоже.

Мечту самому увидеть уродов Вовочка лелеял с Рождества, вернее, с послерождественской поры, которую он лично провел с родителями в Альпах в такой зимней скуке, что и рассказать в школе было нечего. Хотя на фоне истории про жуткий цирк меркли любые рассказы об интересных каникулах.

Мама Лиза была неазартной и ленивой. Ей нравилось лежать на песке, качаться в гамаке, пить коктейли и просто спать. То ли дело тетя Света! Вовчик рассказал ей о впечатлениях Эгиса, побожился, что тот не врал, и, как и рассчитывал, нашел сообщницу. Оставив намазанную кремом для загара маму в обществе пляжного жиголетто китайского толка, крепкозадая тетя и коренастый, под стать ей, племянник рванули в столицу. Автомобиль заказали напрокат к Яванской пристани, до нее от Калимантана добрались на экскурсионной джонке.

– И что, куда рулим? – Светлана отъехала к тротуару и вопросительно подняла брови. Городишко всего-ничего, под десять миллионов народу, окраины все одноэтажные, необъятные. Кто дорогу будет показывать?

Но и про запутанную дорогу любопытный Вова не преминул спросить у потрясенного цирком Эгидиуса, дескать – как туда попали, кто навел? Тот рассказал, что папа что-то знал заранее и искал специально. В столицу они прибыли так же, с острова на лодке. А там ехали в такси прямо в Глодак.

– Его папа так и сказал – Glodak, central part, near the market¹, – таинственно шептал паренек, словно недовольный папа Эгиса мог услышать их разговор из Латвии.

– Выходит, лоханулись мы с тобой, Вовик, карта нужна. Без нее заплутаем. Поехали вот к тому торговцу, по кульку осьминожков возьмем и карту купим. Согласен?

– А с пивом можно?

Светлана щелкнула племянника по носу и отрицательно покачала головой. В этом вопросе она придерживалась строжайших принципов – детям никакого спиртного, ни при каких обстоятельствах. Сама была за рулем, да и пива не любила. Масляно-ласковый продавец отвечал на Вовкин идеальный английский с явным уважением и сильным китайским акцентом. Но и про жареных осьминогов, и про карту, и про колу все понял правильно.

Поводив пальцем по разлинованному полотну, изображающему уменьшенную индонезийскую столицу, любители экстремального цирка двинулись на поиски. Прокатный джип то и дело замирал на светофорах, полз, едва не царапая двери о соседние авто. Понадобилось больше часа, пока

¹ Глодак, в центр, к рынку.

огромный пыльный иероглиф на грязно-белом строении не подсказал им, что географическая цель достигнута – они в Глодаке.

– Теть Свет, давай парканемся и побродим, что мы увидим из окон?

В Вовкином нытье была своя логика. Они поставили машину на платную стоянку рядом с приметным многоэтажным магазином и отправились искать вывески или афиши, извещающие о выступлении особенного цирка.

Через два часа толканий локтями, перекусываний коричневой лапшой с острым бамбуковым соусом и безуспешных поисков общественного туалета богатые путешественники стали жалеть о своем экспромте. Было невыносимо душно, пахло непривычно и неприятно, пот тек градом. Изредка им встречались бледнолицые туристы с озабоченными влажными физиономиями – европейцы, американцы. На фоне низкорослого, узкоглазого, худощавого местного народца они смотрелись, как тяжелые муравьиные яйца на фоне снующих мурашек. Почти у всех неместных были усталые глаза. Они печально кивали, даже не пытаясь изобразить улыбку-приветствие.

– Все, племяш, мы заблудились. Самих в цирке можно показывать! – Света плюхнулась в пластмассовое кресло и вяло отмахнулась от официанта, который в тот же миг возник рядом. – Если через десять минут не выйдем к нашему джипу, останавливаюсь и вызываю такси туда, где стою. И гари

оно гаром, агентство проката!

Но в этот переломный момент им начало везти. Во-первых, пошел дождь. Хотя назвать то, что началось, дождем, мог только человек с очень бедным словарным запасом. С неба опрокинулся настоящий водопад. Светлана с мальчиком вжались спинами в ближайшую к ним стену и так, пятясь, стали продвигаться к маячившему за водной пеленой входу под крышу. Войдя, обнаружили, что попали в некое подобие склада-мастерской по починке велосипедов.

– Оригинальный интерьерчик, надо бы запомнить, – впечатлился Вова стопками запасных колес, развешанных по стенам, деревянными полками, с которых никелированными рогами и ногами топорщились рули и рамы.

Хозяин заведения, сухопарый длиннорукий китаец, благосклонно кивнул в сторону прибитой к стене металлической банки.

– За укрытие надо пожертвовать, – пошутила Светлана, запихивая в прорезь одну за другой несколько тысяч индонезийских рупий.

Вовка, видя, что добро на передышку получено, стал бродить вдоль стен, рассматривать инструменты, трогать коробки с металлическими спицами. Китаец пристально наблюдал за экскурсантом – вдруг стащит железку в карман? Но нормальная мальчишеская рухлядь не интересовала подростка-мажора, ему было скучно. Да и присесть не предлагали. Тетке даже после оплаты вынужденного постоя не вынесли

ни табуретки, ни пустого ящика, и она села на пол, подстелив найденную в сумке косынку. Дождь не утихал – слышно было, как шумят струи воды. И вдруг...

– Тетя Светочка! Нашел! – голос Вовика был взволнованным и торжествующим одновременно. – Иди сюда – вот афиша!

Действительно, один из ящичков с педалями был покрыт глянцевым листом, с которого, в точности как рассказывал Эгис, смотрели, стоя плечом к плечу, уроды: человек-дерево, подняв невообразимо изувеченные руки, человек-пузырь, на каждом сантиметре кожи которого торчали шарообразные опухоли разной величины, женщина, левая половина лица которой свисала до груди, как припухшее ухо бассет-хаунда. Лиц на втором плане Света не рассмотрела – ей стало нехорошо.

Китаец, заметив, что его гости чем-то заинтересовались, оставил свой верстак и подковылял к ним. Оказалось, он говорит по-английски почти так же хорошо, как Вовочка.

– Они сейчас выступают? – голос мальчишки дрожал от нетерпения.

– Конечно. Что ж они есть будут, если выступить перестанут? Они всегда выступают. Только не для всех...

– Умерь пыл, Володя, – прошипела Света, верно оценившая любезность хозяина, – а то мы эти билеты у него не выкупим – такую цену заломит. У меня наличных с собой мало.

Но аппетиты китайца оказались более чем скромными –

он назначил по полтиннику американских денег за билет. Света, не торгуясь, согласилась. Старик попросил прийти к нему завтра к пяти, а к шести он лично сопроводит их на представление. Только деньги вперед...

– Сотку и деньгами-то называть стыдно, – подумали тетка с племянником, но владелец веломастерской в Глодаке так не считал – туристы переплатили втрое против настоящей цены, и, похоже, он все-таки продешевил.

Глава 6

Мама Лиза отлично провела время в отсутствие деятельной мужниной золовки и собственного сына. Вернувшиеся родственники разбудили ее, в буквальном смысле вытряхнув из гамака на песочек кремового цвета. Вытряхивал, конечно, Вовка – Света сама не стала бы ронять выпившую женщину под пальму, чтобы прокричать ей на ухо: – Мы завтра идем в цирк. А ты остаешься – тебе билет не купили!

– Слава богу, – пробормотала Лиза, миролюбиво потягиваясь. – Светик, он с тобой идет или нашел другую компанию?

– Со мной, со мной, он же ребенок еще.

– Но ты-то не дитя – по циркам расхаживать, тем более ездить в душную Джакарту из этого рая. – Лиза обвела глазами пляж и вопросительно склонила голову.

– Не злись, Лизок, у меня своих наследников нет, так я уж с твоего разрешения Вовиком попользуюсь. И ты передохнешь, и я порадуюсь. С годами, знаешь, тянет к детям. Бог не дал своих, а Ванины меня не больно жалуют. Они за маму в большой обиде. Слушай, – тут Света понизила голос и убедилась, что Вова уже плещется в прозрачном прибое Яванского моря, – а ты с Витиной старшей дочкой как? Общаетесь?

Лиза выпучила глаза и протрезвела в одну минуту. Ни о

какой старшей дочке за тринадцать лет прочного брака она не слыхала. Виктор, в отличие от Светкиного Ивана, был женат лишь однажды – на ней, Елизавете.

– Ты что несешь, подружка! Какая дочка?

– Нормальная, говорят. Ваня и маму ее хорошо помнит. Ты не ревнуй – Витек ее не любил, она его тоже. Но девочку как-то сострипали. И разошлись мирно, без разборок. Каждый своей дорожкой побрел. Виктор вот на тебя набрел, потом деньги ему повстречались, Вовочка родился. Ванюша, тот сначала с деньгами встретился, потом с первой женой, а уж меня после всех встретил, по остаточному принципу. Когда искать уже нечего было.

– Да ладно, не прибежняйся, – выражение глупой растерянности все еще не сходило с Лизиного лица, – Ваня тебя любит, вы с ним – парочка, что баран да ярочка... Так, говоришь, у Вовки сестрица есть? И Витя с ней тайно дружит?

– Вот про «дружит» не скажу, потому что не знаю. Мне и о дочке этой Ваня не так давно рассказал, под водочку. Но я не придавала значения, думала – вы не афишируете. А благоверный твой, между прочим, в депутатское кресло метит. Биографию копать будут, как кроты грядку. Лучше, если все тайны молодости он сам узаконит.

Лиза не знала, что лучше, что хуже, – известием о дочери мужа она была потрясена. Звонить и выяснять прямо сейчас – глупо, дома ночь. Спросонья какие разборки? И све-кровь молчала, пока была жива! Неужто не знала? Нет, такую

новость нельзя оставлять просто так, ее нужно запить. Дремавший поодаль паренек понятливо отреагировал на щелчок пальцев дивы из гамака и метнулся к барной стойке. Он знал Лизины предпочтения и цену своей услуги – доллар. За систему случалось заработать от этой туристки и пять, и семь зеленых бумажек. Когда выходило больше пяти, дама давала десятку за все сразу и не брала сдачу. В разных гамаках под разными банановыми зонтиками загорали несколько любительниц коктейлей, и мальчишке «за смену» удавалось «наносить» алкоголя на сотку. Приличный заработок для ребенка, даже с учетом отката бармену и охраннику.

– Ну что, мать с нами не просилась? – Вовик наплавался, швырнул в носильщика коктейлей горстью песка и присел рядом со Светланой.

– Нет, даже обрадовалась, что мы уедем на целый вечер.

– Еще бы ей не обрадоваться, – насупился Вова и захватил вместе со следующей горстью камушек.

– Не бей мальчишку – он на работе, – вступилась Света за маленького аборигена. Не ей принесет, так кому другому. Ему ведь все равно, за чем бегать – за морковным соком или за «отверткой». Желание клиента – его заработок. Повелят туристы – ночной горшок за ними таскать будет по всему пляжу.

Племянник уперся лбом в теткино плечо и насупленно наблюдал, как мама тянет из трубочки очередную порцию водки с соком. Тетя Света была второй, новой женой дяди

Вани, до этой поездки они почти не были знакомы. Предыдущая жена была худой и болтливой, как сорока, а ее дети, две рослые девицы-кобылицы, постоянно подшучивали над ним на разных европейских языках. Сейчас, кажется, обе учатся в университете. В какой стране, он даже знать не хочет, так они ему противны. А эта Света – совсем другое дело! Детей нет, на пляже не пьет, машину хорошо водит. Протрезвеет мамаша – он ей скажет, что новая дяди-Ванина жена ему нравится гораздо больше предыдущей.

Пришло утро, и беседовать с мамой расхотелось. Во-первых, она, как всегда, спала, пока они ходили на завтрак. После завтрака – тренажерный зал. Он – по привычке. В империал-колледже занятия науками чередовались с футболом, плаванием, верховой ездой и силовой тренировкой. Тетка каждый день мучила дорожку и велотренажер, объясняя, что ей надо худеть. И плавала она с Вовиком наперегонки тоже поэтому, сама просила: «Ты погоняй меня, толстуху». И он гонял, хотя толстухой не считал, – нормальная тетя, главное – веселая.

Пока они плавали и загорали, из бунгало выползла раскисшая мама. Мальчик «сбегай за коктейлем» сразу же сделал полшага из-за пальмового ствола, и Вова огрел-таки его камнем в спину. Тот от неожиданности вскрикнул. Света угрожающе свела брови, мама Лиза ничего не заметила.

– Я с Витей говорила только что, – поделилась она с золовкой.

– И что нового? – Светлана старалась не упускать из виду разозлившегося Вовку.

– Права ты, есть дочка. Только он клянется, что сам ею больше десяти лет не интересовался. Вроде как забыл.

– Вспоминать собирается?

– Я ему про депутатство напомнила, так он еще и поблагодарил. Сказал, пойдет знакомиться с ней заново.

– Вот это мудрый шаг, порядочный. Только пусть поинтересуется сначала, может, девчонку усыновил кто-нибудь. Тогда осторожненько надо.

– Ну, не сам же он ее искать будет – адвокаты есть, помощников несколько. Обещал, пока мы не вернемся, не встречаться с этой девицей.

– Лиза! С какой девицей? Там девочка на пару лет Вовки старше. Ей годков тринадцать-четырнадцать. Сестра ему, между прочим.

– Не знаю прямо, как Вовочке сообщить такую новость?

– А ты не сообщай – Витя сам скажет, познакомит.

– Ужас, Света, ужас... Кто бы мог подумать? Нет, я так не успокоюсь – мне нужен коктейль!

Лиза поискала глазами подносчика алкоголя, нашла, сделала заказ и опустилась в гамак.

«Пора и нам собираться», – решила Света, помахала Вовке рукой и направилась переодеваться.

От волнения и любопытства Вовка не мог обедать, как мама с тетей его ни уговаривали. Он с ненавистью гонял по та-

релке куски жареного банана, не притронулся к мясу, отказался от фруктов и салатов. Света, наоборот, с удовольствием поглощала сочные куски рыбы, тянулась за виноградом, фигурно нарезанной дыней, пила сок. В три она наконец закончила перекусывать, проверила наличие в сумке портмоне и влажных салфеток, опустила на нос очки.

– Мы в цирк, будем поздно, не жди!

Лиза привстала на локте и послала воздушный поцелуй отъезжающим.

Тот же джип, зарезервированный и на сегодняшней вечер, ждал их у причала. Девушка из агентства стояла рядом и пила колу. Она передала заказчице ключи, поулыбалась, предупредила, что после полуночи «рейсовых» джонок не будет, а частники берут дорого. Вовка перевел, Светлана кивнула и села в автомобиль. В этот раз они добрались быстрее, хотя пришлось постоянно заглядывать в карту.

– У меня машину обратно не возьмут: дырку протрешь на сиденье, – пошутила тетя над Вовиком, который ерзал, крутился, привставал.

– А вдруг мы приедем – а там ни мастерской, ни этого деда! Может, у нас вчера от усталости коллективная галлюцинация случилась! Или инопланетяне специальную голограмму подвесили!

– А перед этим небо на нас опрокинули! Ты, племяш, фантазер, начитавшийся Гарри Поттера. Подъезжаем уже – узнаешь места?

Они снова оставили джип у большого приметного здания и пошли пешком. Чуть-чуть опоздали, пришли не в пять, а в четверть шестого. Но старый мастер велосипедов спокойно ждал. Он сразу вручил мальчику два квитка, испещренных иероглифами, и предложил выпить чаю.

– А представление? – заволновался Вовик.

– Это близко, десять минут, – успокоил китаец, – а чай свежий, специально к вашему приходу заваривал. Племянник-переводчик хотел было наплести русскоговорящей тете что-нибудь вроде того, что надо торопиться, но про чай она все сама поняла – «всплыл» школьный багаж. Пришлось присесть на складные стульчики, предусмотрительно выставленные хозяином у своего верстака, угоститься действительно вкусным напитком, совсем непохожим на то, что называют чаем европейцы.

Потом они прошли через мастерскую насквозь и вышли на улочку, параллельную той, где вчера их застиг ливень. Двери, дверцы, ворота – все было украшено бумажными фонариками и гирляндами. Люди деловито сновали между входами и выходами, будто бы путешествовали по огромному многоуровневому лабиринту, напоминающему губку или кусок пористого сыра.

– Не хотел бы я здесь жить, – тихо сказал Вовик тетушке. Та согласно кивнула. Дорога к месту представления действительно не заняла и десяти минут. Очередная украшенная дверь распахнулась, впуслав посетителей в большой квад-

ратный зал, напоминающий скорее ринг, чем цирковую арену. Дешевые пластиковые стулья в несколько рядов опоясывали огороженный квадрат в центре помещения. Было неясно, откуда появятся сами циркачи, – ни занавеса, ни кулис.

– Где сядем? – зашептал Вовка, понимая, что если попадет не в первый ряд, то ничего не увидит за чужими спинами. К счастью, провожатый указал на места у самой арены. Публика уже начала собираться, в основном местные, но несколько «курортников» виднелись на местах похуже. Света почему-то стала волноваться: чувствовался во всей этой затее элемент запретности, недозволенное™, даже незаконности. Вовик, наоборот, как только простился с китайцем и занял зрительское место, притих.

«Устал от ожидания чуда», – решила про себя Светлана. Она положила ему ладонь на голову, погладила, взъерошила волосы, помассировала затылок. В шесть пятнадцать свободных стульев практически не осталось. Софиты, закрепленные под потолком, направили потоки света в центр огороженной площадки. Где-то в темном углу открылась сливающаяся со стеной дверь, в центр квадрата вышел молодой пухлый мужчина. Он радостно скалился в аплодирующий зал и громко вещал по-индонезийски. Вовик и Света не понимали. Несколько минут приветственного текста – и из динамиков полилась характерная национальная музыка. Две очаровательные полуголые девушки стали эффектно двигать руками, ногами, животами.

– Ты зажмурься, что ли? – растерялась Светлана.

– Уже зажмурился, – Вовик прищурил один глаз. Девицы были красивые. Но разве за этим они с тетей рыскали по трущобам Глодака?

Пока танцовщицы «разогревали» публику, Света злилась и нервничала: для созерцания куда более качественных танцев не надо было даже уходить с пляжа, не то что плутать по многомиллионной столице Индонезии. Страна завлекала на отдых и шопинг не столько глянцевыми плакатами, сколько живыми моделями, похожими на райских птичек и цветы орхидей. Ярко покрашенные, умощенные благовониями, гладко зачесанные красавицы совершенно бесплатно извивались на территориях отелей, в торговых и развлекательных центрах, городских площадях. Причем обычно девушки всегда были прилично одеты. Эти полуголые девицы отдавали европейщиной – одежды и хореографического мастерства минимум, самонадеянности и ломания максимум. Мальчику-подростку, даже такому продвинутому путешественнику, как Вовик, не пристало присутствовать на подобном шоу, тем более с подачи старшей родственницы. А может, хитрец только прикрылся уродами, а на самом деле знал, что предстоит махровый малазийский стриптиз? Ох уж эти мужики, вернее – мужички нежного возраста... Тетка не успела додумать мысль о коварстве, подогреваемом юношеским тестостероном, как пришлось с этой не самой светлой мыслью проститься. Девицы дотанцевали номер и скрылись

за незаметной дверкой. Зал в едином любопытном порыве уставился туда, ожидая главного, оплаченного удовольствия. И оно началось. Снова выскочил в центр ринга и гаркнул с завыванием, как на настоящих боях без правил, оскаленный конферансье. В ответ на его призывный вой зал взорвался непристойными возгласами, топотом, хлопками. Тот выставил вперед обе ладони, призывая к спокойствию, прошел по периметру веревочной изгороди и замер напротив входа. Музыка на несколько секунд стихла, потом обрушилась из верхних динамиков жуткими, напряженными аккордами.

Первыми под руку с одной из красавиц вышли человек-дерево и человек-пузырь. Девушка по-прежнему была топлес, но сейчас ее нагота казалась не слегка непристойной шалостью, а благом, спасительным островком, на который может отвлечься потрясенный увиденным взор. Мужчины были в длинных хитонах, из-под которых выглядывали лишь лица и конечности, но и этого было достаточно, чтобы на задних рядах раздался женский визг, послышался жесткий, сухой мужской кашель, заплакал ребенок. Красивая танцовщица вела своих спутников по «кругу почета», идя чуть впереди, поднимая над головой их руки своими нежными ручками. Девичье ясное личико излучало торжество, лица главных действующих лиц были непроницаемы. От какого-то из них очень плохо пахло.

У каждой из четырех сторон квадратной арены троица замирала, давая зрителям возможность оценить зрелище

и пропитаться ужасом. Лицо человека-дерева было изжелта-бледным и очень худым. По всей его поверхности, спускаясь вниз, на шею, торчали остроконечные, напоминающие крошечный скальный массив бородавки. Да, для скал они были маловаты, но для кожных выростов просто огромны – сантиметр, два, даже три. Многие объединялись в настоящие горные массивы, покрывая сразу полщеки, всю мочку уха, переносицу. Такое лицо само по себе могло быть объектом демонстрации, но оно было ничем в сравнении с руками и стопами. Казалось, на них переплелись древесные корни, засохшие змеи, прелые листья. Отдельные камнеподобные папилломы превратились в толстенные, многосантиметровые поверхности, напоминающие сгнивший в болоте подлесок. Когда артисты оказались напротив Светы с племянником, она в ужасе отшатнулась. Вовка же, наоборот, буквально выскочил из пластмассового кресла и впился взглядом. С такого близкого расстояния было ясно различимо, что перед ним не маска, не пластмассовый муляж, а живая, пронизанная кровеносными сосудами плоть. И еще было понятно, что пахнет именно она. Мальчик невольно протянул к циркачу руку. Светлана, также под властью импульса, вцепилась в нее. Девушка-поводырь обеими наманикюренными ручками обхватила запястье своего ведомого и помогла направить его огромную, не меньше блинной сковородки, ладонь к мальчику.

– Деньги давай! – засуетился тот.

Тетка, как в тумане, разжала руки, и Вовка выхватил из ее портмоне зеленую двадцатку. Заплетающимися пальцами мальчик прикоснулся к страшным наростам, провел по ним своей гладкой ладошкой, попробовал закрепить денежку под живым корнем. Не получилось, но тут пришел на выручку второй несчастный – человек-пузырь. Его изуродованные болезнью руки все еще напоминали человеческие, и он принял купюру, опустив ее в большой кенгуровый карман на хитоне товарища. Очевидно, эти карманы предназначались именно для складывания мзды за «индивидуальный подход».

Второй артист был полным, с более выразительным лицом и жидкими волосенками. Вся поверхность его тела, включая голову, была покрыта опухольями размером от горошины до крупной картофелины. Редкие островки чистой кожи горели неестественным, красно-коричневым цветом. Но все же этот несчастный выглядел более живым и менее страдающим, чем его партнер. Света, пришедшая в себя от первого шока, сама положила в карман Пузырю десятку. Нашлось еще несколько желающих оплатить «зум»². Собрав первую мзду, девочка вывела своих подопечных в центр и под сменяющуюся сладкую мелодию приступила к их раздеванию. Ей в помощь прибежала вторая красотка. Девицы ловко и картинно развязывали на хитонах тесемки, отстегивали и снова закрепляли элементы одеяний, которые эти несчаст-

² *Зум* — оптическое приближение (удаление) объекта.

ные мужчины, видимо, всегда надевали и снимали с чужой помощью. Страшные дефекты тела не позволяли им попросту через голову накинуть сорочку, вставить руки в рукава, ноги в колошины штанов, самостоятельно застегнуть пуговицы или дернуть «молнию». Появляющиеся и вновь исчезающие фрагменты плоти держали зал в испуганном страхе. Казалось, упади одежды сразу – и половина зрителей сползет на пол в обмороке или зажмурится. Поэтому страшное зрелище готовили постепенно, то обнажая, то вновь пряча плечи, торсы, бедра и голени. Наконец страдальцы остались в исподнем. Девушки танцевали вокруг, прижимаясь к покрытым наростами и пузырями телам своими шелковистыми, гладкими прелестями. Они сбросили юбки-платки и тоже были в неглиже, но не черном, до колен, а в ярких, сверкающих стразами трусишках.

«Простой контраст – один из самых выигрышных приемов, особенно для неинтеллектуальной публики», – мелькнуло в голове у Светланы. Мысли о том, что Вовику не стоит лицезреть не одетых девушек, улетучились – представление было достаточно органичным и отнюдь не эротического свойства. Уж чего-чего, а разврата и похоти точно не чувствовалось в режиссерской задумке.

После «дерева» и «пузыря» вышла немолодая, наряженная в блестящее трико женщина с двумя толстыми змеями. Пока они втроем удивляли зал чудесами гибкости и взаимопонимания, на арену вынесли стол и стулья. Следую-

щим номером был «поход в ресторан». Красотки, добавив к блестящим бикини игривые белые фартучки, замерли с кожаными папками в руках, изображая заждавшихся официанток. «Клиенты» появились парами. Первыми вошли «пузырь» и женщина-нос. В результате осложненной опухоли или какого-то небывалого отека правая половина ее лица была чуть припухшей, но нос – он был не припухшим, а просто гигантским, огромным, закрывающим подбородок и свисающим ниже его. Из-за этого почти не было видно рта. Правый глаз, особенно нижнее веко, тоже был оттянут вниз, демонстрируя воспаленную внутреннюю поверхность. Сам нос был бугристым, синюшным, особенно на кончике.

Спутницей «дерева» была дама с похожим, но более страшным страданием – ниже уровня груди свисала не часть, а вся половина лица, утаскивая за собой и нос, и глаз, и верхнюю губу. Было похоже на оплывший кусок каучука с огромными засорившимися порами, трещинами, язвами. Глазное яблоко и ноздри запутались в этой растянутой плоти так, что хозяйка-носительница находила их на ощупь – она ловко перебирала пальцами по складкам, привычно раздвигала их на потеху публике. Чтобы зрителям было понятней, что именно «откопала» на своем лице сия дама, девушка-официантка дублировала ее жесты, мило прикасаясь тонким пальчиком то к своему аккуратному носику, то к пухлому влажному роту.

– А говорить она может? – в Вовкином голосе было боль-

ше спонтанного сострадания, чем безжалостного детского любопытства.

Словно в ответ на его пытливость, «официантки» изобразили прием заказа, распахнув свои папки-меню и взмахнув вынутыми из кармашков карандашиками.

«Итак, соревнование лица и тела», – догадалась Света. «Нос» рукой сдвинула в сторону выдающуюся часть своей физиономии и невнятно проямлила несколько слов. У нее, скорее всего, были деформированы кости носа и гортани, отвечающие за звуковоспроизведение. Девочка пожала плечами и вопросительно уставилась на «Пузыря». Тот склонился к своей подружке, еще раз выслушал звуки, напоминающие хлопанье воды при прочистке раковины, и перевел текст, внятно произнеся его вслух. Зал заплодировал. Настала очередь «плавленого каучука» – она снова закопошилась в отвисших волнах кожи, приподняла их так, что губа оказалась на нужном уровне. Для этого ей пришлось удерживать опадающее лицо на расстоянии вытянутой руки. Стала видна нежно-розовая опрелая шея. Звуки, издаваемые только за счет движения нижней челюсти, были куда более разборчивыми и человекоподобными, чем у предыдущей заказчицы. Но мужчина-дерево все равно повторил фразу всему залу. Русские гости не могли понять, хорошо ли говорит женщина, – они не знали языка и не ориентировались в особенностях произношения.

«Голодным» сервировали обычный интернациональный

обед – жареную рыбу, рис, фрукты, сок в графине, пустые стаканы. Счастливым, почти не нуждающимся в посторонней помощи, оказался «Пузырь». Сам он не мог только выбирать кости из рыбы – покрытые опухолью пальцы не позволяли ему этого. «Нос» ловко разбирала рыбные тушки себе и кавалеру, иногда отправляла их в рот одной рукой, отодвигая лилово-красный индюшачий клюв другой. С рисом у нее получалось хуже – зернышки рассыпались. Возможно, она делала это нарочно, потом клала вилку и поднимала свое «сокровище» обеими руками, а мужчина сыпал гарнир прямо ей в глотку. Становящаяся видимой часть лица резко контрастировала по цвету с жутким фиолетовым хоботом.

Второй паре было во всех отношениях труднее – «Дерево» не удерживал своими «клубками корней» ни вилки, ни куски пищи. Без специальной помощи он мог есть только как животное – с земли, с ветки, из кормушки. Поэтому «Каучук» сначала кормила и поила его. Потом разбирала пищу для себя, раскладывала очищенные от костей кусочки по тарелке. «Дерево» с ее помощью водружал на стол нечеловеческие кисти в приподнятом положении, она развешивала на них свое лицо, открывая доступ ко рту. При этом важно было расположить тарелки и стаканы так, чтобы к ним было удобно добираться. Подготовившись подобным образом, она ловко забрасывала пищу в рот. Пила из трубочки – так было удобней.

После трапезы четверка заказала пачку сигарет. Используя те же приемы взаимовыручки, каждый выкурил по одной. В зале еще клубился сигаретный дым, как артисты уже откланялись. Ассистентки в бикини и фартуках поправили дамам-уродцам высокие прически, потуже затянули банты на нормальных женских талиях, протерли лакированные туфли-шпильки. Мужчинам, наряженным в подобие смокингов, одернули пиджаки, посетовали на их босые ноги. «Снова хорошее решение – контраст с дамской элегантной обувью», – заметила Светлана. Такой финал, очевидно, должен был подчеркнуть, что ничто человеческое героям страшного спектакля не чуждо. Они покинули сцену, а конференсье залопотал нечто, масляно скалясь и хитро подмигивая. По рядам он запустил бумажную ведомость.

– Может, спросить у него, Вовочка, по-английски, о чем этот туземный щебет? – Света домыслила, что идет дополнительный сбор пожертвований на облегчение жизни циркачей, и готова была выписать чек.

– Ты, тетя, тундра непаханая, – зло пробормотал мальчик. – Я тебе без перевода поясню: за отдельную плату желающим покажут продолжение банкета.

– Какое продолжение? – Света все еще шарила в сумке, разыскивая ручку. Пока Вовкино объяснение было непонятным, это раздражало, тем более что бумага уже прошла по кругу и вернулась к хозяину.

– Для тех, кто записался, уроды покажут секс. За отдель-

ную плату. Ну что ты краснеешь, прямо как девочка? Думаешь, я порно не видел? Сто раз, даже дома у папаши с мамашей. Но на этих смотреть не хочу. Жалко мне их.

Светлана не ответила, она застегнула сумку и потащила мальчика к выходу. Там, к их удивлению, их ждал дед-веломастер. Он заботливо проводил тетю с племянником до парковки, получил еще один полтинник с лицом американского президента, предложил любые экскурсионные услуги любого сорта. Гости только кивнули. Было не поздно – половина десятого.

– Пойдешь на пляж танцевать? – поинтересовался Вовчик, когда прохладный морской ветер немного остудил впечатления.

Света кивнула – она действительно хотела выпить и сильно, до одури расслабиться.

– Ия пойду. Помнишь девочку, которую я сегодня за завтраком толкнул? Я еще три дня назад в море ее топил и колой обливал. Она испанка, но по-английски понимает. Возьмешь нам с ней пива? Я бы и сам взял, но мне алкоголь не отпускают...

– Правильно делают – сок пейте, – ответила тетушка, но Вовик понял, что на счет пива они договорились.

Глава 7

Леонид Васильевич вернулся на службу, отпер сейф, пересчитал «для порядку» катушки с разновеликими матрицами. Он был материально ответственным лицом, поэтому ключи от сейфа с мелочовкой хранил в верхнем ящике стола, пристегнутыми к длинной, впаянной туда цепочке. Кроме компакт-дисков, в сейфе хранились пустые флешки, нераспакованные кабели, маленькие несерьезные наушники. Бахрушин невесело улыбнулся, выбрал обычный CD, на нижней полке – бумажный конверт для него, выложил все это на стол. На конверте написал: «Зернов Кирилл, сорок лет, врач-стоматолог». Подумал и приписал с обратной стороны: «Животные и люди с необычными мордами». Почувствовал в таком заголовке нечто оскорбительное и для себя лично, но переписывать не стал – вызвал по телефону адъютанта, дал поручение собрать завтра к полудню все, что может представлять оперативный интерес. Открыв створку стеклопакета, закурил. Рублев огорчил его просьбой.

«Что ж, из-за баб мы все рано или поздно глупеем, кто на долго, кто на коротко. Вот и Борька попался на этот крючок. И нет бы, простую девочку нашел, молодую, несемейную, – учительница ему, видите ли, понравилась. Замужняя, с ребенком, почти эмигрантка».

К учительницам у товарища полковника был свой, особый

счет: дважды он увлекался представительницами школьного дела и дважды терпел фиаско. Первый раз – восьмиклассником, влюбившись в практикантку-физкультурницу, но так и не решившись признаться ей в нежных чувствах. Вторично – курсантом, заглянув на первомайский вечер в педагогическое училище. С этой девчонкой у него могло бы все сложиться, но она нелепо, трагически погибла через месяц после начала романа. Поехала домой на каникулы и утонула в озере. Он долго не знал, обижался, что письма остаются без ответа, собирался «нагрязнать» в недалёкую деревеньку. Ему написала ее старшая сестра, не скоро, после сорока дней. Он даже на могиле ни разу не был...

Недокуренный «бычок» полетел в окно, Бахрушин вернулся на место, подвинул к себе раскрытый ежедневник. Через десять минут – оперативка, потом три рапорта от разных лиц по поводу одного и того же злоупотребления. И, кажется, на сегодня все. Можно будет спокойно полистать профессиональный «Вестник...», изучить новые дополнения к старым приказам, выпить пива и лечь спать. О том, что сегодня День влюбленных, уставший слуга Родины даже не вспомнил.

Утром, после утомительного, бестолкового совещания, Леонид Васильевич обнаружил на столе вчерашний CD – вернули ребята из отдела сбора и хранения информации. Полковник вставил его в дисковод и с удивлением обнаружил несколько разных папок. Начал, естественно, с той, что была обозначена как досье. Все, как он и думал. Зер-

нов Кирилл Николаевич, из служащих, москвич. Ни сам, ни родители, уже почившие, конфликтов с законом не имели. Единственный сын, закончил первый медицинский, работал по распределению. Первый брак со Светланой Ползуновой, взявшей его фамилию, расторгнут десять лет назад. Второй зарегистрирован пять лет назад с гражданкой Белоруссии Еленой Игоревной Пацерка. В первом браке детей не имел, во втором усыновил Пацерку Петра, сына второй супруги. Все члены новой семьи носят фамилию Зерновы. Год назад оставил государственную поликлинику, открыв частный стоматологический кабинет. Имеет лицензию. У налоговой инспекции в должниках не числится. Особые приметы – равнодушен к женщинам, не брезгует услугами ресторанных проституток. В досье имелось фото – обычное славянское лицо, залысины, глаза серые, нос прямой.

«Против Бориса – не орел», – отметил про себя Бахрушин. Он закрыл эту папку и открыл следующую, безымянную, вернее – названную 1/1. И увлекся. Некорректный запрос про «необычные морды» принес очень интересные результаты. Оказывается, по оперативным сводкам, в лесопарковых зонах столицы трижды встречались «чупакабры»³ – собакоподобные существа с леденящим душу оскалом. Во вложенных файлах имелись отсканированные показания

³ Чупакабра – «высасывающая коз» — звероподобное существо, якобы не раз замеченное в Мексике, Чили, Парагвае. Уничтожает домашних животных, высасывая из них кровь.

нескольких очевидцев – двух кладбищенских сторожей, одной студентки музыкального колледжа и трех незнакомых между собой пенсионеров. Судя по рассказам этих людей, масть и породы собак были разными: сторожа утверждали, что среди могил бродила овчарка с мордой горгульи; студентка настаивала, что туловище чудовища вполне таксоподобное; бабушкам привиделась дворняга. Но если описание тел животных не совпадало, то голова всем запомнилась одинаково: ярко-красная пасть, истекающая слюной и гнойными выделениями, огромные глаза, вываленный наружу распухший язык. Кроме этого, четверым из шести свидетелей звериный оскал напомнил зловещую улыбку. В отличие от южноамериканской, «наши» чупакабры передвигались на четырех конечностях и имели выраженное сходство с известными породами собак. О сигналах, бесконтактно передаваемых этими существами в мозг, упомянул лишь один из сторожей, очень начитанный и сильно пьющий.

В папке, обозначенной как 1/2, содержался короткий рапорт участкового инспектора подмосковной деревни Гаврилино, составленный по материалам заявления жительницы этой деревни Н. Женщина обратилась в милицию с заявлением о краже – утверждала, что ночью неизвестное лицо или лица похитили с ее личного подворья свинью. Помочь потерпевшей не удалось. Однако спустя неделю местный пьянчуга нашел в дальнем рву, куда заезжие шабашники сбрасывали строительный мусор, свиную голову и сам принес

в отделение охраны правопорядка. Голова эта имела странное, рукотворное уродство – верхние губы были вывернуты наружу и закреплены под глазом медицинскими стежками. Нижние губы, наоборот, сшиты, если можно так выразиться, под подбородком. Швы сняты не были. О том, что это пропавшее животное, свидетельствовало ухо, имевшее характерный след от укуса собаки. Соседи поговаривают, что мужичок нашел не голову, а всю тушу, но не побрезговал мертвечиной на закусь.

Но самое странное и необычное оказалось в папке 1/3. Жительница общаги стройкомбината № 3 гражданка Л. принесла в участок заявление, что ее соседка по блоку, гражданка П., будучи беременной, родила прямо в комнате близнецов в присутствии незнакомого мужчины. И тот унес одного из родившихся близнецов в сумке. Роженица вызвала «скорую» лишь после его ухода. Объявила медикам, что на учете в женской консультации не была, но зарегистрировать новорожденную девочку хочет. А рожать ей, дескать, помог отец ребенка, доктор по профессии. «Я отца этих детей знаю, – написано в заявлении, – это гражданин В. Мужчина же, присутствовавший на родах, действительно врач, только посторонний». Дальше шло подробное описание того, как гражданка Л. подсматривала и подслушивала личную жизнь гражданки П., даже проделала для этого специальный «глазок» в перегородке, разделяющей их комнаты. Появление на свет двойни и продажа мальчика неизвестному на-

блюдались ею воочию.

По делу было проведено расследование, из которого выяснилось, что гражданка П. – счастливая соперница гражданки Л. Акушеры подтвердили, что на месте родов был лишь один послед с остатками пуповины. Именно это стало решающим аргументом в пользу закрытия дела – гражданка П. не смогла объяснить, почему в ее подробном, даже натуралистичном описании нет ничего о втором детском месте, – ведь при рождении разнополых близнецов их всегда два, по одному на каждого младенца. Ее сочли ревнивой фантазеркой, а их общего любовника – рогоносцем, так как на роды мать пригласила настоящего, биологического отца. Кстати, назвать имя этого мужчины гражданка П. отказалась. Гражданка Л., наоборот, утверждала, что случайно встретила человека, унесшего младенца, и запомнила координаты его автомобиля. Участковый, будучи парнем любознательным, номерок «пробил». Владельцем указанного ревнивой гражданкой транспортного средства был Кирилл Николаевич Зернов.

* * *

В среду, пятнадцатого февраля, Комбат проснулся очень рано. Настолько рано, что пожалел будить Сергея для утренней пробежки. Побегут, как обычно, в шесть, а сейчас и пяти нет. Начинать день с сигареты – плохая привычка, но он

не удержался. Распахнул настежь окно, присел на подоконник, с удовольствием затаился. С Андрюхиной Галей был верный уговор: если с пацаном случится беда, просто опасная или непонятная ситуация – звонить в любое время дня и ночи. Раз не звонит – все в порядке.

«Или никого нет в живых», – прокомментировал внутренний голос, который в минуты стресса всегда «просыпался». Неохота поднимать переполох ни свет ни заря, пугать обывателей, – Рублев искренне волновался за судьбу Пети Зернова и женщины, спрятавшей его.

Они ведь не отопрут спросонья – еще дверь вышибу зря, «засвечу явку». Поехать к дому и пройти мимо? Свет или темнота в окнах ничего не докажут: может, Галя – «жаворонок», а может, и «сова» – будет спать до девяти, когда электричество включать уже незачем. Андрей говорил, что Галя учительница по домоводству, значит, к первому уроку приходит не всегда. Но и для первого еще слишком, слишком рано. Эсэмэску отправить? Не факт, что ответит тот, кому она адресована. Галя может сидеть привязанная к стулу, прикованная к батарее, а «трубкой» воспользуется ее палач или мучитель.

«Спит она, и дети спят», – внутренний голос противоречил сам себе: сначала напугал, теперь успокаивал...

Рука механически потянулась за второй сигаретой, он уже прикурил, но резко затушил и выбросил. Хорош будет бегун после продымленного утра и суперкрепкого чая.

– Нечего делать – читайте молитвы, – кажется, так говорит Сережина Танюша. – Это лишним не бывает. Я вот, когда не нахожу себе места, «Отче наш» или «Богородице, радуйся» повторяю. Успокаивает.

– Так я молитв не знаю и в Бога не верую, – ответил ей как-то Рублев.

– Вера придет, многие в поиске, а тексты – вот, в книжечке, – сказала Танюша и положила на холодильник карманный молитвенник с православным крестом.

Комбат потом с Сережей пытался обсудить эту сильно удивившую его историю. Но сын ушел от разговора. А молитвенник так и остался лежать там, где Танюша его оставила. Когда это было? Месяц назад? Два? Три? Вот они – противоречия между постсоветскими отцами и антисоветскими детьми. Младшие старших молиться учат и думать о душе.

Сейчас книжечка показалась уместной – он открыл первую страничку и зашептал непривычные слова. И немотивированная тревога «отпустила»...

Сын вскочил вместе с воплями китайского будильника, сразу надел спортивный костюм, кивнул Борису. Тот накинул поверх футболки легкую мастерку, и они побежали. Через квартал к мужской компании привычно присоединилась хрупкая девочка. В темноте, расцвеченной светом многочисленных окон, эта тройца выглядела вызывающе. Но свои, микрорайонные, уже не оборачивались. Изредка кто-нибудь пытался примкнуть к их неразлучной компании, но долго не

выдерживал.

Пока Сережа плескался в ванной, Рублев выставил на стол чай и бутерброды. Сын с аппетитом позавтракал, напомнил, что сегодня вечером помогает Тане делать уборку, и ушел. Комбат сразу набрал Андрея Подберезского:

– Как дела у Гали? Что с Петей?

Тот отчитался по всей форме – никто не беспокоил, ребенок здоров, ест хорошо, спрашивает, где мама.

– Пусть твоя Галя заинтересует его как-нибудь, книжками завалит, поручение даст.

– Она учительница, не хуже нас в детях понимает. Но Петя-то не младенец, его погремушками не отвлечешь. И, как Золушку, не посадишь горох от чечевицы очищать. Ты ему что сказал? К двоичнику побежала. Догадывается небось, пацан что на несколько суток учительницы у отстающих не задерживаются.

– Ладно, сам знаю. Погоди – мобильный звонит. Бахрушин на проводе! Давай ко мне! Жду!

Леонид Васильевич попросил спуститься за диском через пятнадцать минут. Выходя из подъезда, Рублев заметил Подберезского, запирающего свою тачку. Тот тоже увидел командира, понял, что лучше подождать – Комбат не отправится в гастроном, если велел товарищу срочно приехать к себе. Через минуту прибыл Бахрушин. Как обычно, сначала вышел шофер, осмотрелся, заглянул к шефу. Тот пригласил сесть в салон и Рублева, и Подберезского.

– Чутье у тебя, Борис, как у сеттера, – темное это дело, – полковник щелкнул застежками дорогого кожаного портфеля, протягивая компакт-диск. – Но формально зацепок нет. Подумаешь – указала женщина, что Зернов унес ребенка от роженицы. А он скажет – обозналась. Других показаний, кроме твоей исчезнувшей пассии, никто дать не может. Кстати, нашлась она? Весточку какую-нибудь подала?

– Глухо, Леонид Васильевич. Мы с Андреем сейчас и в бывшую поликлинику, и в нынешний частный кабинет к Зернову съездим. Обязательно что-то всплывет. А вы, не в службу, а в дружбу, найдите нам еще одного человечка.

– Сам уже догадался – Алёну Игоревну непосредственно. Это может и поболее занять, чем пару часов: приезжая она, гражданство недавно оформила.

Но Комбат просил не об Алёне. Его интересовала дочка спонсора, вернее, сам спонсор с семьей – господина Волошко.

Полковник не стал домысливать причины нового интереса Комбата – просто записал очередные координаты и обещал выйти на связь, как только появятся оперативные материалы.

Глава 8

Не почувствовать взгляд голодного самца было невозможно, не расценить его верно – просто глупо. Пока этот парень «без лица» – единственный, кто может ей помочь. Равно, впрочем, как и помешать. Алена медленно разминала кусочек шоколада о нёбо и внимательно прислушивалась к собственным ощущениям. С каждым глотком сока сил прибывало, голова становилась яснее. На самом деле просто заканчивалось действие анестетика.

– Я бы еще шоколадки съела, – мягко проворковала пленница, но Макс отказал.

Он успел сгрызть оставшуюся часть плитки, пока наблюдал за мучительным пробуждением Алены. И соком запил. Как-то не пришло ему в голову, что женщина станет «просить добавки». Не предупредили его об этом. А жаль – хорошенькая она и не старая еще. Такой томный голосок, и взгляд доверчивый. На кровати, опять же, почти лежит... В юбке... Если по согласию – никто ничего не узнает. Нормальный мужской порыв, регулируемый пока что мозгами, подсказал, что нужно открыть шкафчики, полки, холодильник и найти угощение для дамы.

Алена шарила глазами по всем закуткам, которые обыскивал «замаскированный сторож» – так она мысленно обозначила своего тюремщика. Квартира не казалась жилой, скорее

– сдаваемое внаем помещение. Бельевые полки были полупустыми, посуда – разномастной. Вот бар – интересно, стоит ли попробовать спиртное, если найдется? Но в баре хранились отнюдь не виски и джин, а стопка старых журналов. Это стало поводом продолжить разговор.

– Вот жмоты, да? Ни глотка для гостей! Сейчас бы рюмочку ликера! – она говорила вкрадчиво, тянула слова.

Макс про себя отметил обнадеживающий тон девицы – ни слишком взрослой, ни перезрелой она уже не казалась. Взять прямо сейчас силой? Можно схлопотать от шефа, если пленница пожалуется или, не дай бог, искушает или поцарапает. Да и не любил он этого – гнуть бабу к койке. Тем более такую – не соплячку, красивую, растерянную... Глазами хлопает, как кукла с базара, и дышит так возбуждающе. Юбка задралась – не поправляет, хотя могла бы. Рискнуть, что ли, подсесть... А целоваться как? Маску-то снимать нельзя!

– Знаете, я не убегу никуда – голова пока тяжелая. Не смотрите так – да, намекаю, что неплохо бы в гастроном наведаться. Отсюда далеко? Мы же на Голубева? – Алена блефовала, она даже приблизительно не представляла, где находится.

«Замаскированный» рванулся было к двери, но опомнился, остыл...

– Не велено, я вам сейчас кашу буду варить на меду, – протопал на кухню, оставив Алену догадываться, что за безликий двор, заваленный грязным снегом, она заметила через

окно, когда поднималась в туалет.

Раздался грохот кастрюль, легкий щелчок, незнакомый голос. Он размеренно наговаривал, как промыть овсяные хлопья, сколько налить воды, до какой кондиции доводить на медленном огне. Две минуты инструкций, новый щелчок, и все сначала...

«Диктофон, – догадалась пленница. Она поднялась, убедилась, что может и стоять, и шагать. Оперлась для верности о стену и двинулась на кухню. – Овсянка так овсянка – лишь бы узнать, где она сейчас и как найти Петю».

Но Макс замкнулся. Перебродивший мужской порыв, им же и задушенный, перерос в злость. Недавно желанная женщина теперь раздражала абсолютно всем – и звуками слов, и доброй интонацией, и необутыми узкими ступнями, затянутыми в глянцево-кожаные колготки. Алена почувствовала, испугалась. Она тихо сидела позади колдующего у газовой плиты парня и разглядывала его. Во всем черном, но на форму непохоже. Обычная трикотажная байка – многие старшеклассники носят такие. Брюки – тоже не эксклюзив, стандартные многокарманные штаны, копируемые с военного камуфляжа всеми производителями. Высокие тупорылые ботинки на рифленой подошве, зашнурованные плотно по ноге. Спина широкая, жирноватая – если и занимался спортом, то раньше: такой комплекции для сумо маловато, а для всего остального – с большим избытком. Разве что для шахмат, бриджа или компьютерного геймерства сгодится. В лицо бы

ему заглянуть! Не получается. Тогда на руки – за шахматные эти лапы не сойдут. Хотя чего в жизни не бывает...

Кастрюля зашипела, пополз отвратительный запах: овсянка, запузырившись, выбралась из-под закрытой крышки и попала прямо в пламя. Горе-повар грязно выругался, выключил огонь, вопросительно уставился на женщину, которой предназначалась сбежавшая каша.

«Это шанс», – поняла Алена, быстро поднялась с неудобной табуреточки, взяла на раковине большую губку, намочила и полила моющим средством.

– Присядьте, я приберу. Пока все свежее – отмоется легко. Она уже залила кастрюльку водой, подняла решетку на плите, принялась тереть подгоревшие хлопья. Макс не успел опомниться, как они поменялись ролями – он сидел, а она хлопотала «по хозяйству», ловко исправляя мужской промах.

– Вы мне тапочки не принесете? Или мои сапожки. Все там, у кровати. Пол, знаете ли, прохладный.

Парень буквально рванул в комнату, пару секунд раздумывал и выбрал сапоги – тапки были бы и ему велики, не то что даме. Неловко опустил изящную обувь рядом с Аленой, а у той руки в работе – губка, порошок, рукава закатаны...

Пришлось присесть, прикоснуться к стройным ножкам, обхватить одну своей огромной ручищей, застегивая другой молнию. И снова... Он задержал руки на ее голених, сопротивляясь желанию скользнуть по шелковистым колгот-

кам выше, на бедра, под юбку.

Учительница в это время боролась с другим наваждением – лицо в маске напротив ее коленей. Но она уже не безоружна – острая металлическая шпилька легко проткнет и трикотаж, и кожу, и глазницу. А промахнется – раздробит кость. Надо только забыть, что там, под маской, человек, возможно – мальчик, каким станет Петька через десяток лет. Если этот, родившийся чуть раньше, уже не убил его...

Она не смогла... И он не решился.

Через десять минут оба ели овсянку с медом, Макс – отвернувшись и приподняв маску.

Потом ей было позволено взять сумочку, валявшуюся в прихожей. Разрешил «замаскированный» сразу – очевидно, уже знал, что там нет ничего опасного для него. И полезного для пленницы тоже – паспорт и кошелек из этой сумки вынули еще в машине.

Алена благодарила Бога, что не взяла греха на душу и парня не покалечила, – недалеко бы удалось уйти без денег и документов.

После каши она чувствовала себя почти здоровой и понимала, что за ней вот-вот явится некто знающий о ее ситуации больше, чем это сексуально озабоченное чмо. На всякий случай уже не разувалась – забралась поверх «ромашек» прямо в сапожках, юбку одернула, колени припрятала углом покрывала, прислонилась затылком к стене. Она чувствовала сильную усталость, видела по солнцу, что день перешаг-

нул за половину. Охранник сидел напротив, скучал. Женщина задавала только те вопросы, на которые ему строжайше запретили отвечать. Нет, не про то, где она и кто ее украл, – про такие он и сам бы догадался. Она интересовалась, что из еды он любит, есть ли дома собака, младший он сын или старший. И откуда только шеф знал, о чем эта стерва будет спрашивать?

* * *

Неприметный «жигуль» умчал полковника Бахрушина на его всемогущую службу. Борис Иванович и Андрюха принимали решения на ходу, бегом поднимаясь в квартиру. Сейчас они «откроют» диск, запомнят координаты рабочих мест Зернова и решат, кто куда двинется. Леонид Васильевич настоятельно рекомендовал прочесть все, что есть на его электронном носителе, и лишь потом составлять план действий. Рублев с досадой подумал, что без товарища он бы сейчас не справился. Плохо едва уметь обращаться с такой простой штукой, как комп. Обязательно надо будет заняться! А сейчас пусть Подберезский блеснет смекалкой – покажет, как считывать с этого диска. Раньше бы товарищ полковник привез стопку печатных бумажек, а сейчас – прогресс! Дисками разбрасывается!

«Брюзжишь, старина! – пристыдил его внутренний голос. – Давно следовало освоить эту современную премуд-

рость. Не трудней, чем стрелять по движущейся мишени или производить захват с удушением».

Андрей тем временем диск открыл, даже сделал какие-то резервные копии с него.

– Смотри, Комбат, вот домашний адрес семьи Зерновых, вот адрес поликлиники, вот частного кабинета. Все неподалеку. С чего начнем?

– Начнем с личных владений. Не говорила мне Алена ни о каких кабинетах. Согласись – жена о легальном рабочем месте должна бы знать. А она только поликлинику называла. Действуем так: проверяем, что за частная стоматология по данному адресочку прописана, потом домой к этому Кирюше движемся. Если нигде никого – поликлиника твоя. Ты, кажется, с медсестрами хорошо ладишь? А зубика на этот случай у тебя не найдется с дырочкой? Или хоть с трещинкой?

– Обижаешь, Комбат! Зубы у меня отличные, лечить нечего.

– Значит, профилактический осмотр будешь заказывать. Так, перебрасываясь прибаутками, они спустились вниз. Решили ехать по отдельности, каждый на своем авто. Вдруг разойдутся пути-дорожки или одному задержаться придется.

Частный кабинет находился в переоборудованной двухкомнатной квартире на первом этаже многоэтажки. Имел отдельный вход с улицы. Рублев заглянул в подъезд, воспользо-

вавшись неторопливостью полной девочки с собакой. Иначе пришлось бы звонить по квартирам и прикидываться почтальоном или электриком. Внутри дома дверь тоже была, действующая, подписанная – служебный вход.

Комбат помахал дефилирующему по снежку товарищу и попросил остаться в подъезде на случай, если кто-то этим служебным входом решит воспользоваться. Сам придал лицу страдальческое выражение и позвонил. Открыла строгая мымра в белой шапочке и в очках.

– Вы по записи?

– Нет, я знаете, очень врачей зубных боюсь. Но сегодня прижало – надо показаться специалисту. Выбрал вас, вернее – просто мимо проезжал и понял, что судьба меня направила... – Рублев сморщился и прижал к щеке кулак – так, по его мнению, выглядел бы страдающий зубной болью.

Дамочка поджала нижнюю губу, измерила симпатичного великана взглядом, отступила назад:

– Проходите, раздевайтесь!

Прихожая была очень «домашней» – не скажешь, что за стенкой лечат зубы и челюсти. Комбат оставил на вешалке рядом с дамским пальто камуфляжную куртку, подумал – надо ли разуваться. Решил, что не станет садиться в зубо-врачебное кресло в носках, и прошел в комнату. Там была устроена настоящая регистратура со стойкой, компьютером, информационными буклетами о правильных зубных пастах. Напротив стояли три кресла, диванчик, журнальный столик.

На нем – вазочка с леденцами, бутылка питьевой воды и столбик пластиковых стаканчиков, вставленных друг в друга.

– Доктор занят, но, как только освободится, посмотрит вас. У него правило: если человек по «скорой помощи» – не отказывать. Первичную обработку проведет, обезболит, а на лечение придется записаться. Скажите пока свои координаты – я начну оформлять карточку.

Пришлось на ходу придумать себе медицинский псевдоним и липовый адрес. Регистраторша внесла данные в компьютер, распечатала листок с заглавием «Консультация». Сумма, проставленная внизу, не удивила, но огорчила. Не каждый «потянет» такие расценки.

– Распишитесь! – положила она перед Рублевым квиток вместе с яркой пластмассовой ручкой.

– После распишусь, мной Кирилл Николаевич и не занимался еще, – буркнул Комбат, играя в сквалыгу. Рвение ассистентки Зернова его разозлило. Щас! Жди, когда он Аленину мошенику денег отсыплет ни за что! «Стоп, да ты ревнуешь!» – остудил его пыл внутренний голос.

– Кто вами, извините, не занимался? – дамочка продолжала стоять у журнального столика, выпирая из-под плотного халата симпатичными округлостями.

– А разве не Кирилл Николаевич сегодня «у станка»? – искренне поднял брови посетитель.

– Не знаю я никакого Кирилла. Нашего доктора зовут

Анастасия Францевна Любчина. В паре с ней супруг – Вилен Казимирович, тоже Любчин, он здесь и хирург, и зубной техник по совместительству. Вы, наверно, путаете наш кабинет с каким-то еще.

Рублев сделал напряженное лицо, стараясь изобразить работу мысли и физическое страдание одновременно.

– А удобства здесь почему? Мне очень надо!

– Туалет бесплатный! – мымра развеселилась, глядя, как трусит крупный, с виду боевой мужик. – В прихожую выйдете, там направо.

Комбат осмотрел совмещенный санузел, красиво отделанный плиткой со смальтой, заглянул в кухонное помещение, подписанное «Стерилизационная». Нет, операционного стола, специального оборудования, места для «выхаживания» прооперированных тут не было. Для достоверности пришлось справить малую нужду, вымыть руки ароматным жидким мылом из закрепленного на стенке дозатора, промакнуть воду бумажным полотенцем. Он вернулся в комнату, нарочито вздохнул, изображая облегчение, принялся рассматривать обложку журнала.

В это время из кабинета вышла девица в строгом деловом костюме, с сумкой-портфелем через плечо. Она сухо попрощалась с улыбчивой полненькой девушкой в белом халате, подошла к стойке для расчета.

– Шура, я вам по сети сбросила объем работ, посчитайте, – голос у докторши был звонкий, почти детский. – Кто

у нас следующий? Лазутина? – она стянула плотно облегающие резиновые перчатки и бросила в мусорное ведро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.